

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ**

**ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ЭТНОПСИХОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ**

**КИШИНЕВ
2012**

ISBN 978-9975-4376-0-8

39+159.9

П 78

Научная редакция:

В. П. Степанов, доктор хабилитат истории, профессор

Рецензенты:

О. С. Галущенко, доктор истории (Республика Молдова)

И. А. Субботина, кандидат исторических наук (Россия)

Р. К. Терещук, доктор психологии, конференциар (Украина)

Редактор:

Т. М. Левандовская.

В сборнике научных статей представлены теоретические и эмпирические исследования в области этнопсихологии, этнологии.

Проанализированы результаты эмпирических исследований этнических образов, этнической идентичности, ценностной сферы этнических групп на современном этапе. Освещены теоретические аспекты изучения этнокультурных символов.

Издание предназначено для этнологов, социальных психологов, социологов, педагогов, работников государственной службы, мастерантов этнологов, психологов, всех интересующихся этнокультурными процессами в трансформирующемся обществе.

Descrierea CIP a camerei Naționale a Cărții

Проблемы теории и практики этнопсихологии и этнологии / Акад. Наук Молдовы, Ин-т Культурного Наследия, Центр Этнологии; науч. ред.: В. П. Степанов.

- К.: Б. и., 2012 (Тирогр. "Primex-Com"). — 115 р.

200 ех.

ISBN 978-9975-4376-0-8.

39 + 159.9

П 78

© Академия Наук Республики Молдова, 2012

© Коллектив авторов, 2012

© Т. А. Орлова, дизайн обложки, 2012

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЭТНОПСИХОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В. П. Степанов)	4
Введение	9
1. <i>Кауненко И. И.</i> К проблеме типологии этнической идентичности молодежи молдаван в трансформирующемся обществе	12
2. <i>Кауненко И. И.</i> Ценности русских и украинцев Республики Молдова: индивидуальный уровень	41
3. <i>Каунова Н. Г.</i> Этнический образ группы ромов на современном этапе	64
4. <i>Хорозова Л. Ф.</i> Влияние трудовой миграции на этническую идентичность молодежи Гагаузии	79
5. <i>Иванова Н. В.</i> Теоретические аспекты изучения этнокультурных символов.....	94
6. <i>Иванова Н. В.</i> Особенности формирования этнической идентичности в поликультурной городской среде	115

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говоря о сборнике, я хочу поначалу остановиться на проблемах, возможно, хорошо известных, но заявляющих о себе с новой силой и проявляющихся, в частности, в молдавской этнологической науке.

Можно сказать, что этнологической науке не повезло, а может быть, наоборот чересчур повезло. В процессе своего становления, еще в XIX веке на нее посягали и статистика, и демография, и география. Активно к этому процессу подключилась социология. В ходе своего развития этнология нашла, наконец, свою «пристань» в истории в качестве самостоятельной научной дисциплины, со своими методами, целью и задачами. Но и в этой надежной гавани этнологии бывает тесновато. Отчего же происходит такая неуживчивость?

В начале 90-х годов XX века, во время серьезных этносоциальных трансформаций, когда как грибы после дождя стали появляться государственные субъекты новых демократий, интерес к этой науке возрос и стал проявляться с удвоенной силой. Начались активные дискуссии о названии самой научной дисциплины. В СССР наука, изучающая этносы и этничность, традиционно называлась «этнографией». Новый образ жизни, ставший повседневностью, после распада советской системы привел к активной перестройке не только содержания общественных отношений. Он не мог не коснуться и науки, которая во многом стала подстраиваться под западные стандарты – стандарты победителя старой идеологии. И вот тогда, особенно на базе научных центров ряда бывших союзных республик, начались своеобразные дискуссии о роли и значении этнологии (вспомним достаточно нашумевшее обсуждение на страницах авторитетного журнала «Этнографическое обозрение» в 1992–1993 годах).

Строящиеся по принципу этноцентризма страны постсоветской системы на этапе своего становления и первых шагов развития стали проявлять активную заботу (особенно характерную для представителей интеллигенции) о возрождении

традиций, обычаев и обрядов, свойственных титульным этносам и малочисленным народам и группам. В некотором роде это стало напоминать политику коренизации, которую переживала молодая тогда советская республика в 20–30-х годах XX века. Сторонники этого направления, назовем их «традиционалистами» (сразу хочу отметить, что ничего обидного в этом слове нет) продолжали именовать себя «этнографами», тем самым подчеркивая, что они изучают традиционно-бытовую сторону народной жизни и именно в этом заключается их задача. Причем, после переименования науки этнографии в этнологию мнение о круге проблем у ряда исследователей практически не изменилось.

Но давайте вспомним, что и до 90-х годов XX века, как в советский период, так и еще раньше, в дореволюционное время, наука, называвшаяся в Российской империи «этнографией», была не только описательной дисциплиной. Она накопила и выработала достаточно серьезную теоретическую базу, занимаясь на каждом этапе и проблемами современности. Ведь такие классики науки, как Д. Зеленин, П. Чубинский, А. Матеевич, изучали повседневный быт русских, украинцев, молдаван XIX века, по сути — своих современников. Но уже в тот относительно далекий от нас период в сообществе начинают происходить социальные процессы, убыстряющие время, отодвигающие традиционный уклад жизни от локомотивов урбанизации, индустриализации, несущих глобальные социальные изменения.

Немалые достижения в области теоретической науки были осуществлены в советский период. Достаточно вспомнить наработки Ю. Бромлея, Н. Чебоксарова, Н. Гумилева и мн. др.

Уже в XX веке, особенно во второй его части, наука, изучающая народы и культуры и называвшаяся тогда «этнографией», разделяется на два направления. Одно продолжает изучать традиционно-бытовую культуру народов в их исторической ретроспективе, а другое фокусирует внимание на процессах современности, в частности — на проблеме формирования новых условий жизни при социализме и становлении нового советского человека.

Внутри этнографии начинают складываться новые смежные направления, ориентированные на изучение комплексных проблем современности. Ярким показателем этого является зародившаяся чуть больше сорока лет назад этносоциология (относительно недавно в России вышел юбилейный том «Этносоциология и этносоциологи», посвященный этому знаменательному событию в жизни науки).

Сегодня современная этнологическая наука не представляется без таких научных направлений, как этнополитология, этнолингвистика, этнопсихология, этносоциология.

Усложнение жизни, ускорение ее хода, современные интеграционные процессы глобализирующегося мира требуют особого внимания к анализу современных форм общежития.

Необходимо понять, что ориентация только на изучение прошлого, направленная на идеализацию образа этноса, — безусловно, реальная часть нашей жизни, свойственная, в том числе, части пассионарных носителей этничности, занимающихся этнологическими изысканиями. Но фокусирование науки только на освещении исторического прошлого, с его даже некоторой идеализацией, безусловно, уводит в сторону от актуальных проблем современности, переживаемых этносоциальным сообществом. Вместе с тем, сказанное не означает, что автор предисловия призывает не изучать традиционно-бытовую культуру прошлого. Просто наука не терпит однобокости.

Этносы претерпевают влияние времени, испытывая постоянные этнические изменения. Знать, понимать и комментировать современные тенденции и внутренние механизмы этнических трансформаций столь же важно, как изучать культурное этнографическое наследие.

Изучение современности в рамках этнологии требует еще и социальной смелости, ибо наука, направление, которое призвано изучать повседневность, зачастую вскрывает наиболее болезненные проблемы и актуализирует практическую востребованность научного знания.

Сборник, подготовленный небольшим авторским коллективом специалистов, работающих в области этнопсихологии, представляет собой безусловную актуальность, затрагивая различные стороны современной жизни, отраженные в меняющемся под обстоятельствами времени и ресурсов сознании жителей Молдовы, представителей разных этносоциальных групп: молдаван, гагаузов, русских, украинцев, цыган — части полиэтнического населения Республики Молдова. Важно, что авторы сфокусировали свое внимание и на возрастном факторе, представив результаты своих исследований относительно особенностей формирования этнической идентичности в поликультурной городской среде, у младших школьников, у студентов гагаузов.

Сама направленность сборника связана с актуальной проблемой изучения многогранной проблемы идентичности. Авторы сосредоточили свое внимание, прежде всего, на ее этнопсихологических и этносоциальных аспектах. Можно утверждать, что данная проблема сохраняет свою актуальность на протяжении всего существования научной мысли, а в условиях общественных изменений вызывает к себе еще больший интерес. Не случайно человек и социум являются одной из вечных тем для познания.

Интерес к данной проблеме особенно возрастает в период трансформаций, когда личность не всегда способна адекватно реагировать на ускоряющиеся изменения. В связи с этим привлекает к себе внимание проблема кризиса идентичности, к которой проявляют интерес европейские исследователи. Здесь, прежде всего, нужно назвать Э. Эриксона, обратившегося к анализу психосоциального кризиса как неизбежному этапу на пути личности к обретению новой, более зрелой идентичности. Причем ему принадлежит указание на связь кризиса идентичности с кризисами общественного развития.

Важна и другая составляющая сборника — представление процессов идентификации в разных этносоциальных сообществах Молдовы. Ведь как справедливо отмечают многие специалисты в области изучения идентичности, идентификация

– это процесс выделения собственного «я» (в данном случае этнического «я» среди других этнических «я»). Причем этот процесс имеет свою специфику в разностатусных этносоциальных сообществах и конгломератных средах.

Сборник будет иметь продолжение, поэтому хочется пожелать его создателям дальнейших творческих успехов, а читателям новых открытий для себя. Убежден, что они будут способствовать появлению новых, интересных работ по этнологии и смежным с ней дисциплинам.

*Вячеслав Степанов,
доктор хабилитат истории*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема идентичности всегда являлась одной из задач на «смысл», от решения которой зависят общая линия жизни и жизненная перспектива. Проблемы сохранения, формирования и изучения идентичности особенно актуальны в трансформирующемся обществе, когда «культурное наследие, исторические факторы и современное состояние общественных отношений часто оказывают противоречивое влияние, создавая дисбаланс между нормативной сферой и ценностными моделями» (Л.Н. Шаншиева, 2008).

Успешное самоопределение человека, становление личности в качестве *субъекта* жизни означает присвоение жизни, проживание собственной жизни (К.А. Абульханова, 2005). Определению путей решения названной проблемы способствует изучение этнического компонента социальной структуры общества. Очевидно, что, будучи одним из наиболее «древних» понятий, этничность призвана удовлетворить базовые потребности человека в стабильности, уникальности, поддержании положительной социальной идентичности.

В предлагаемом сборнике научных статей освещены некоторые аспекты становления этнической идентичности, ценностной сферы представителей разных этнических групп Республики Молдова, а также влияния трудовой миграции на формирование и сохранение этнической идентичности.

Процесс становления этнической идентичности в изменяющемся обществе неизбежно включает момент вариативности. Поэтому исследование типологии этнической идентичности представляется актуальным и приоритетным как в теоретическом плане, так и в плане социальных практик, что позволяет понять *вариативность восприятия мира* как на групповом, так и на личностном уровнях, а также - *вариативность компонентов структуры* этнической идентичности. В то же время, научное осмысление типологии этнической идентичности показывает перспективу более эффективного, «адресного» влияния на процесс ее формирования.

Комплексное изучение ценностной сферы представляет интерес как «предельно обобщенный социальный опыт, получаемый личностью в онтогенезе. Ценности являются одним из важнейших элементов единого смыслового поля этнокультурной общности» (Л.Г. Почебут, 2002). В период стремительных социальных изменений именно ценностная сфера отражает и определяет «смысловое поле» идентификационных процессов. Анализ ценностной сферы этнических групп предоставляет возможность определить, какую «картину мира» конструируют представители разных культур, каков «вклад» этнического компонента в социальную структуру современного общества.

На основе результатов эмпирических исследований обозначенные научные проблемы - ценностная сфера и типология этнической идентичности - освещены в статьях *И.И. Кауненко*.

Вопросам изучения образа ромов посвящена статья *Н.Г. Кауновой*. В контексте этнопсихологии эта проблематика пока мало изучена. В связи с этим она представляет интерес и позволяет раскрыть механизмы *сохранения и развития* этнической идентичности, процесса аккультурации, а также систему межгруппового восприятия в среде представителей указанной этносоциальной группы.

Одновременно на основе анализа структуры этнического образа ромов представляется возможным определить методы интеграции представителей этого этноса в современный социум, так как при кажущейся простоте и даже примитивности этнические установки и стереотипы представляют собой весьма сложные категории в силу их включенности в ряд систем отношений — социокультурных, социоэкономических, социо-психологических, - проявляющихся на межиндивидуальном, межгрупповом и даже на межгосударственном уровне (П.Н. Шихирев, 1990).

Интенсивно развивающаяся трудовая миграция и формирующиеся сообщества молдавских трудовых мигрантов все более привлекают внимание исследователей из разных областей науки. Трудовые мигранты выступают в качестве *активного субъекта*,

который способен реально повлиять на атмосферу в молдавском обществе, на его структуру и социальные группы.

Эти тенденции и их воздействие на формирование этнической идентичности молодого поколения изложены в статье *Л.Ф. Хорозовой* на примере группы этнических гагаузов. Теоретико-практическая значимость исследования названного автора заключается в анализе *механизмов традиционной субъективности поколений* и определении степени влияния трудовой миграции на этноидентификационные процессы, носящие пока латентный характер.

Роли символов культуры посвящена статья *Н.В. Ивановой*. Современный период развития общества характеризуется высокой степенью динамичности перемещения людей, представляющих различные культурные пласты. Последнее обуславливает возрастающее значение символических «стражей» идентичности (этнической, культурной, религиозной) в *сохранении этнокультурного пространства в целом и этнической (культурной) идентичности в частности*. Во второй статье автор анализирует особенности формирования этнической идентичности младших школьников, проживающих в условиях городской поликультурной среды.

Издание адресовано не только исследователям-этнопсихологам, этнологам, но и всем тем, кто по роду своей деятельности занимается проблемами регулирования межэтнических отношений, вопросами сохранения этнической идентичности, воспитанием межэтнической толерантности, развитием межкультурного диалога и взаимодействия в условиях страны с полиэтническим составом населения, какой является Республика Молдова.

Авторы выражают надежду, что предлагаемый сборник станет еще одним импульсом для продолжения исследований в данной сфере.

И.И. Кауненко

Н.Г. Каунова

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ МОЛДАВАН В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Проблема типологии этнической идентичности всегда представляла интерес как с научно-теоретической стороны, так и с практической. Научное обращение к данной теме обусловило возможность более глубокого понимания идентификационных процессов и возможности их оптимизации (а при необходимости корректировки). Изучение типологии этнической идентичности позволяет прогнозировать вектор социокультурного развития нашего региона в период модернизации.

Современный этап характеризуется сменой модели развития нашего общества, попыткой выстроить рыночную экономику. Происходят существенные изменения в сознании людей. Сознание людей меняется гораздо медленнее, сегодня оно противоречиво, конфликтно, и этот процесс еще далек от завершения. Культурное наследие, исторические факторы и современное состояние общественных отношений часто оказывают противоречивое влияние, создавая дисбаланс между нормативной сферой и ценностными моделями (Шаншиева, 2008, 9).

Поэтому проблема самоопределения человека относительно социальных групп и самого себя становится особенно актуальной, так как это является одной из основ становления человека как *субъекта*. «Субъект — это способность быть причиной преобразования действительности» (Абульханова, 2005, 4). Личность, являясь продуктом, членом общества, поразному вписывается в него. Так, с одной стороны, личность получает от общества «основные условия своей жизнедеятельности, с другой стороны, она оказывается противостоящей обществу в смысле принципиального несовпадения ее потребностей, способностей, желаний, ориентаций с теми требованиями, которые общество предъявляет ко всем личностям в целом и в частности — к ней» (Абульханова, 2005, 7). Важно, чтобы личность *самостоятельно*

находила удачное сочетание своих особенностей со стандартизированными требованиями общества (Абульханова, 2005, 7).

Для нашего исследования было принципиально важным положение о том, что «обретение личностью качества субъекта есть фундаментальный в жизни человечества акт превращения возможного в действительное самосозидающими и социальными «силами»» (Абульханова, 2005, 11).

Практическое преломление данного положения можно проследить на примере этноидентификационных процессов, происходящих в период структурных изменений социума. Именно сейчас самоопределение себя относительно разных социальных групп представляет наибольшую трудность, поскольку сами социальные группы находятся в процессе трансформации.

Есть еще один важный аспект - это «взаимодействия двух глобальных мировых тенденций: с одной стороны, — глобальной интеграции, свертывания человечества в единый субъект исторического действия под влиянием развития экономики, технологии, средств коммуникации, растущим признанием значения общечеловеческих ценностей; с другой, — тенденции к дифференциации и, соответственно, к сохранению «собственного лица» (идентичности), сопротивлению обезличиванию и унификации, особенно в политической и культурной сфере» (Шихирев, 1993, 9). Иными словами, сегодня возрастает потребность в развитии собственного уникального социокультурного потенциала.

Изучение типологии этнической идентичности дает возможность понимания психологии современного общества и психологического самочувствия человека в нем. Также немаловажно, что изучение этнической идентичности и ее типологии позволяет понять отношения «индивид-государство», «индивид-общество».

Анализируя различные аспекты этносоциальных процессов на постсоветском пространстве, социальные психологи уделили в своих работах достаточное внимание исследованию типологии

этнической идентичности (Мулдашева, 1991; Солдатова, 1998; Стефаненко, 1999; Татарко, 2003; Козлова, 2002;).

А.Б. Мулдашева, изучавшая этнопсихологическую двойственность в межнациональных отношениях, выделила следующие типы маргинальной личности:

1. *Объективная этнокультурная маргинальность*. Субъективная простота внутреннего и внешнего мира. Этнокультурная маргинальность по внешним атрибутам этнокультуры, не сопровождающаяся переживанием конфликта этнической идентичности. Общее содержание межэтнической установки определяется субъективной удаленностью данного типа личности от мира социальных проблем и проявляется в равнодушном отношении к сложностям этнической жизни. Этот тип может быть обозначен как «равнодушный к проблемам межэтнических отношений».
2. *Субъективная этнокультурная маргинальность*. Второму типу соответствуют такие характеристики, как субъективная сложность внутреннего мира и субъективная трудность внешнего мира. У данного типа этническая маргинальность проявляется в такой форме этнопсихологической двойственности, которая характеризуется творческой установкой в разрешении проблем этнической идентичности и сопровождается таким содержанием межэтнической установки, которая отражает творческий подход к разрешению сложностей межэтнического взаимодействия (Мулдашева, 1991, 31,42).

Российским психологом Г.У. Солдатовой, длительно исследовавшей *феномен межэтнической напряженности*, были выделены три вида трансформации этнической идентичности:

1. *размывание этнической идентичности*, что выражается в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности (этническая индифферентность);
2. *отход от собственной этнической группы* и поиск устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию (гипоидентичность, одной из форм которой является этнонигилизм);

3. *гиперболизация этнической идентичности* и появление в межэтнических отношениях дискриминационных форм (гиперидентичность: этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм) (Солдатова, 2001, с.19). В этом случае этничность выполняет уже не только функции внутригрупповой интеграции и культурной отличительности, а превращается в психологический инструмент отчуждения, этнической дезинтеграции в обществе.

Исследование, проведенное Ж.Д. Уталиевой (1995) под руководством Т.Г. Стефаненко по изучению роли языка в становлении этнической идентичности, выявило следующие три группы:

Первая группа с доминированием казахского языка (*моноэтничные*). Данные респонденты характеризуются преувеличением психологических различий между казахским и русским народами. Субъективно предпочитаемая социальная дистанция общения с представителями русского этноса достаточно велика. Для них характерна низкая толерантность к русским в сфере близкого общения (практически все они против того, чтобы русские были их родственниками или членами семьи).

Вторую группу составили *координативные билингвы* (высокий уровень компетенции в казахском и русском языке). Респонденты допускают близкие контакты с представителями русского этноса, в частности, чтобы они были их родственниками и членами семьи. Идентифицируясь не только с казахским, но и с русским этносом, они стремятся сохранить позитивную групповую идентичность по отношению к обеим группам, что отражается в отсутствии «казахского» внутригруппового фаворитизма и негативных аттитюдов к представителям русского народа.

В третью группу вошли индивиды с доминантным русским языком и компетентностью в казахском на уровне понимания и бытового общения (маргиналы). Они избегают близких форм социального контакта с русскими, очень осторожно относятся к тому, чтобы те были их родственниками и членами семьи. Полная или частичная языковая ассимиляция, несовпадение

языковых предпочтений и реального языкового поведения в социальной ситуации, характеризующейся повышением статуса и институциональной поддержки казахского языка, является источником внутри- и межличностных конфликтов. Колебания между двумя этническими группами приводит к формированию *маргинальной этнической идентичности*, которая в данной конкретной ситуации сопровождается высоким уровнем этноцентризма, низкой толерантностью к носителям русского языка и даже к своему родному языку (Стефаненко, 1999).

А.Н. Татарко, исследовавший взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия, выделил следующие типы этнической идентичности, взяв за основу соотношения характеристик этнической идентичности — *валентность и определенность*:

1. позитивная и определенная этническая идентичность;
2. позитивная и неопределенная этническая идентичность;
3. негативная и определенная этническая идентичность;
4. негативная и неопределенная этническая идентичность.

Сочетание позитивности и четкости этнической идентичности с большой долей вероятности способствует проявлению этнической толерантности в межкультурном взаимодействии. Сочетание *негативности этнической идентичности с ее четкостью* будет вести к проявлению этнической интолерантности. *Неопределенность этнической идентичности* вкупе с ее позитивностью допускает как наличие этнической толерантности, так и этнической интолерантности.

М.А. Козлова, которая изучала влияние этнической идентичности и личностной зрелости на толерантность межэтнических установок (на примере угров и русских), выделила следующие группы:

1. *Зрелая психосоциальная идентичность*. Молодые люди, обладающие зрелой идентичностью, стремятся жить «настоящим»; они не зависимы в выборе ценностей и в поведении от воздействия извне. В качестве одной из важнейших ценностей они выделяют умение понять чужую точку зрения, уважают иные обычаи, вкусы, привычки.

2. *Досрочная психосоциальная идентичность*. Обладатели ее характеризуются неразвитостью целостного восприятия своего жизненного пути, конформностью, зависимостью, внешним локусом контроля.

В исследовании названного автора было выявлено, что самоидентификация с этнической группой может выступать необходимой для молодых людей опорой, значительно облегчающей прохождение кризиса и поиск собственной идентичности (Козлова, 2002, 152).

Для нас представляют интерес эмпирические исследования, проводимые румынским психологом Л. Якоб в области имагологии по проблеме социального восприятия своей группы. Л. Якоб многие годы изучает проблемы национальной идентичности, образ своей группы и другой («Мы румыны...», «Они румыны...»), изменение образа группы в зависимости от региона проживания. Так, при изучении образа собственной группы «Мы румыны...» жители Трансильвании характеризуют себя как более компетентных, а жители Мунтении как несерьезных. Проблема взаимосвязи этнокультурного образа группы и региона проживания представляется весьма актуальной (Iacob, 2003, 173).

Осуществляя исследование мы учитывали исторические особенности нашего региона. Известный румынский философ и психолог К. Рэдулеску-Мотру писал, что душа народа является результатом всего опыта – прошлого и настоящего (Rădulescu-Motru, 1998, 33).

В течение ряда лет мы изучаем идентичность этнических групп Молдовы – молдаван, русских, болгар, гагаузов и украинцев, в том числе - этническую идентичность разных возрастных групп – юношеский возраст, молодежь, взрослые (Кауненко, 2003; Caunenco, Gaşper, 2005; Кауненко, 2006; Gaşper, 2008; Кауненко, 2008). Для понимания *вариативности компонентов структуры* этнической идентичности нами было проведено эмпирическое исследование, предметом которого являлось изучение типологии этнической идентичности на примере титульного этноса.

Выборка молодежи составила **200** человек. Возраст и социальный статус — 18-25 лет; студенты. Регион — университеты г. Кишинева. Период проведения — октябрь 2009 по апрель 2010. Выборка уравновешена по полу: жен. - 108; муж. - 92.

За основу типологии были взяты *особенности этнического стереотипа: авто- и гетеростереотипа* — амбивалентность (А), выраженность (S), направленность (D).

Амбивалентность характеризует степень эмоциональной определенности стереотипа. *Выраженность* стереотипа отражает силу стереотипного эффекта. *Направленность* характеризует знак и величину общей эмоциональной ориентации субъекта по отношению к данному объекту.

Этнические стереотипы мы определяем как упрощенные, схематизированные, эмоционально окрашенные и чрезвычайно устойчивые *образы* какой-либо этнической группы, легко распространяемые на всех ее представителей (Лебедева, Лунева, Стефаненко, Мартынова, 2003, 134).

В своем исследовании мы исходили из того, что социальный стереотип является *образом социального объекта*, и образ может быть более адекватным или менее адекватным, более или менее полным, иногда даже ложным, но мы всегда его «вычерпываем» из реальности (Леонтьев, 1983, 255). *Автостереотип* — это совокупность атрибутивных признаков о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы; *гетеростереотип* - совокупность атрибутивных признаков о других этнических группах.

Этнический стереотип является индикатором, регулятором межнациональных отношений. «Функционируя внутри группы, стереотип, будучи включенным в динамику межгрупповых отношений, выполняет регуляторно-интеграционную функцию для субъектов социального действия при разрешении социального противоречия» (Соснин, 1997, 55).

Одновременно мы исходили из того, что этнический стереотип, являясь *когнитивно оценочной системой*, организует процесс социального восприятия, и это будет оказывать влияние на процесс становления этнической идентичности.

Для нас важным являлось положение И.Р. Сушкова о том, что стереотипы наполняют групповое сознание в большей степени не ошибками восприятия, а восприятием устойчивых и обобщенных сторон социальной реальности, которые закрепляют собой групповой опыт, доводя его до каждого члена группы» (Сушков, 2002, 43).

Этническую идентичность, вслед за Т.Г. Стефаненко, мы определяем как осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности переживание индивидом отношений Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других общностей, самоопределения в социальном пространстве относительно многих этносов (Стефаненко, 2006, 6).

В целях изучения типологии этнической идентичности нами был применен следующий методический инструментарий. Для исследования *этнических стереотипов* базовой методикой стал «Диагностический тест отношений» (ДТО) (Солдатова, 1998). Изучение аффилиативных тенденций проводилось с помощью методической разработки "Этническая аффилиация" (Солдатова, Рыжова). Для исследования *групповых ценностных ориентаций* в пределах психологической универсалии «индивидуализм – коллективизм» была использована методика «Культурно-ценностный дифференциал» (Солдатова, 1999). Для исследования *субъективной культурной дистанции* была применена «Шкала культурной дистанции» (разработанная в ИЭА РАН).

Итак, обратимся к результатам эмпирического исследования типологии этнической идентичности. В результате анализа эмпирического материала по этническим стереотипам молодежной группы молдаван были выделены следующие типы:

- положительный образ собственной группы и другой. В нашем случае другой группой являлась русская (позитивная этническая идентичность т.е. норма) (41%);
- положительный автостереотип и отрицательный гетеростереотип (гиперидентичность) (11%);
- отрицательный атостереотип и положительный гетеростереотип (гипоидентичность) (12%);

- автостереотип и гетеростереотип отрицательные (этнонигилизм) (8,5%).

Также нами были выделены еще три типа, но они были малочисленны – положительный автостереотип и нулевой гетеростереотип (индифферентность); отрицательный автостереотип и нулевой гетеростереотип; авто- и гетеростереотип нулевые. В силу малочисленности мы не будем пока останавливаться на данных группах и проанализируем наиболее крупные. Также отдельного анализа требует групп молодежи молдаван, которые не знают русских (10%).

И еще ремарка - данные типы пока названы условно. Так как при высокой амбивалентности стереотипов, эмоциональная направленность стереотипов у всех групп достаточная низкая, что в свою очередь затрудняет обозначение групп.

Последующий всесторонний анализ, включая сравнение с выборкой других лет, даст нам возможность обозначить их более точно.

В целом по выборке - 200 респондентов молодежной группы молдаван – положительная самоидентификация у 61%, отрицательная – 25,5%, амбивалентная – 13,5%. Из этого следует, что среди молодежи преобладает позитивная самоидентификация. Однако количественный показатель отрицательной самоидентификации – 25,5% - не может не вызывать тревогу, так как данная группа при изменении социально-политической ситуации может иметь тенденцию к расширению. В целом, по всей выборке автостереотип молдаван и гетеростереотип русских положительный (Таб.1).

Таблица 1. Средние величины коэффициентов амбивалентности (A), выраженности (S), направленности (D – диагностический коэффициент) - группа студентов.

Вид оценки	Молдаване (200)			Автостереотип положительный и гетеростереотип русских положительный			Автостереотип положительный и гетеростереотип русских отрицательный			Автостереотип отрицательный и гетеростереотип русских положительный			Автостереотип отрицательный и гетеростереотип русских отрицательный		
	A	S	D	A	S	D	A	S	D	A	S	D	A	S	D
Самооценка	0,60	0,24	0,203	0,58	0,30	0,26	0,61	0,22	0,19	0,58	0,28	0,23	0,63	0,22	0,19
Оценка "Идеала"	0,51	0,37	0,29	0,47	0,46	0,36	0,53	0,35	0,29	0,47	0,45	0,34	0,52	0,39	0,29
Автостереотип	0,66	0,1	0,08	0,65	0,22	0,19	0,61	0,22	0,19	0,70	-0,11	-0,09	0,71	-0,11	-0,09
Гетеростереотип (русских)	0,69	0,09	0,07	0,67	0,18	0,15	0,68	-0,09	-0,06	0,67	0,18	0,14	0,70	-0,07	-0,06

Итак, вернемся к нашей типологии этнической идентичности. Для всех типов групп характерен высокий коэффициент *амбивалентности*. Самая высокая неопределенность у этнонигилистов (0,71), у гипоидентичных (0,70), что может свидетельствовать о некоторой тенденции «размытости», «рыхлости» стереотипов.

Для всех типов групп наиболее четким является образ Идеала. Самые низкие оценки амбивалентности у группы с положительной этнической идентичностью (нормы), у гипоидентичных, и высокая амбивалентность – у группы гиперидентичных, этнонигилистов.

Если рассматривать оценку Идеала в качестве нормативной точки отсчета, то ближе всего по степени позитивности располагается самооценка, и она также высоко амбивалентна.

Анализ выраженности (S), направленности (D) *автостереотипов* выявил большую эмоциональную позитивную насыщенность у группы с позитивной этнической идентичностью, гиперидентичных, а наиболее низкую и отрицательную эмоциональную направленность у групп этнонигилистов, гипоидентичных.

По *гетеростереотипам* молодежи молдаван выявлен низкий уровень эмоциональной выраженности с позитивной направленностью у респондентов с нормой, гипоидентичностью.

У респондентов групп — гиперидентичных, этнонигилистов — выявлен низкий уровень эмоциональной направленности с тенденцией к отрицательной направленности.

Подводя итоги эмоционально-оценочных параметров этнических стереотипов — амбивалентности, выраженности, направленности, выделенных типов этнической идентичности молдаван, можно сказать следующее:

- для стереотипов молодежи молдаван всех типов этнической идентичности характерен высокий уровень амбивалентности и низкий уровень эмоциональной направленности;
- для типов этнонигилистов, гиперидентичных характерен отрицательный уровень эмоциональной направленности гетеростереотипов;
- для гипоидентичных характерна отрицательная тенденция автостереотипа.

Группы молодежи с этнической идентичностью по типу — гиперидентичных, гипоидентичных, этнонигилистов, хотя и не составляют большинство по отдельности, но в целом — это проблемные группы и составляют 31,5%. Если исходить из того, что, функционируя внутри группы, стереотип поляризует группу и сам поляризуется в групповой динамике, обусловленной динамикой межгрупповых отношений. «В результате стороны того или иного существующего социального противоречия, феноменологически поляризуясь в противоположных, взаимодополняющих образах, психологически концентрируют вокруг себя и мобилизуют реальных субъектов социального действия — индивидов, социальные группы, классы — для разрешения их силами обострившегося противоречия» (Шихирев, 1999, 272).

Сравнение образа «Я» и автостереотипа, гетеростереотипа выявило следующие особенности типов этнической идентичности групп молодежи молдаван.

- У группы с позитивной этнической идентичностью выявлены различия на *личностном* уровне ($p \leq 0,001$), и на *групповом* с группой русских ($p \leq 0,05$).
- У группы гиперидентичных выявлены статистические различия с группой русских ($p \leq 0,001$) и *значимость*

этнической компоненты на личностном уровне. Это означает, что события социального окружения преломляются через этнический фильтр. Этническая составляющая Я-концепции, видимо, занимает у данного типа респондентов центральную часть.

- У группы с гипоидентической этничностью значимость этнической компоненты не выявлена ни на личностном, ни на групповом уровнях ($p \leq 0,001$).
- Группа этнонигилистов характеризуется *близостью автостереотипа с гетеростереотипом русских, т.е. близость на групповом уровне.*

Итак, исходя из нашей типологии, группа с позитивной этнической идентичностью характеризуется дифференцированностью стереотипов как на личностном, так и на групповом уровнях. Для группы гиперидентичных характерна значимость этнической компоненты на личностном уровне. Для этнонигилистов характерна близость образа собственной группы с группой русских (гетеростереотипом). Возможно, это проявление «тотального» исключения этнической компоненты, поэтому образы групп «слиты».

Для группы гипоидентичных этническая компонента не значима на личностном уровне, и есть дифференциация на групповом уровне с группой русских (гетеростереотип) при позитивной направленности на данную группу.

Подведем итоги свойств стереотипов разных типов этнической идентичности.

- Для респондентов с *позитивной этнической идентичностью* характерна позитивная эмоциональная направленность стереотипов как на свою группу, так и на другую. Этническая компонента не значима на личностном уровне, есть дифференциация своей группы от другой (в данном случае – русской).
- Респонденты с *гиперэтнической* идентичностью характеризуются позитивной эмоциональной направленностью на собственную группу и тенденцией к негативной эмоциональной направленности к группе

русских. У респондентов данной группы выявлена значимость этнической компоненты на личностном уровне, из этого следует, что многие события окружающей жизни будут преломляться через «этнический фильтр».

- Для респондентов с *гипоэтнической* идентичностью характерна позитивная эмоциональная направленность на другую группу (русских) при тенденции к негативной эмоциональной направленности на собственную. На личностном уровне этническая компонента не значима, и есть дифференциация собственной группы с группой русских.
- Для стереотипов *этнонигилистов* характерна дифференциация и негативно эмоциональная направленность как относительно своей группы, так и другой (русской). Причем, различий между автостереотипом и гетеростереотипом не выявлено.
- Для всех типов этнической идентичности характерен высокий уровень амбивалентности стереотипов и низкая величина эмоциональной ориентации как на собственную группу, так и на другую (русских).

Хотя, в целом, в группе молодежи молдаван преобладают респонденты с позитивной эмоциональной направленностью этнических стереотипов, но выделенные типы — гипоиентичные, гиперидентичные - могут иметь тенденцию к росту в зависимости от изменений социально-политической ситуации.

Важным компонентом этнической идентичности являются этнические маркеры, по которым становится понятным, через что объективируется идентичность. Как отмечает Т.Г. Стефаненко, значение и роль признаков в восприятии членов этноса меняется в зависимости от особенностей исторической ситуации, от стадии консолидации этноса, от особенностей этнического окружения (Стефаненко, 1999, 5).

Обратимся к результатам эмпирических данных по *культурной дистанции*. В Таб. 2 отображены эмпирические

данные по группе респондентов с позитивной этнической идентичностью (норма).

Таблица 2. Культурная близость к этносам
(группа с позитивной этнической идентичностью).

Признак общности с этносом								Сумма выборов	Ранг признака
	Млд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум		
- общее место жительства	46	9	7	11	4	5	7	89	4
- общее историческое прошлое	38	22	8	7	4	7	25	111	2
- язык	41	10	4	0	2	0	29	86	6
- религия	39	23	21	4	3	2	26	118	1
- обычаи, обряды, традиции	43	12	7	2	4	0	19	87	5
- внешний вид	34	19	13	7	10	5	20	108	3
- поведение, черты характера	33	14	12	0	2	4	16	81	7
- что-то другое	5	2	1	2	1	3	3	17	8
По выборке:	279	111	73	33	30	26	145	697	

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наиболее значимыми этническим маркерами для респондентов изучаемой группы являются: *общее место жительства, обычаи, обряды, язык, религия*. Своей группе было отдано наибольшее предпочтение, что, в общем, является нормой. Наиболее близкими этническими группами для молдаван являются румыны, русские, украинцы. С румынами их больше всего связывает общее историческое прошлое, язык, религия. Эта группа (румыны) получила наибольшее число этнических маркеров в сравнении с другими группами; с русскими — религия, общее историческое прошлое; с украинцами — религия, внешний вид. По отношению к другим этническим группам этнических маркеров значительно меньше. Наименьшее количество маркеров выявлено относительно группы евреев.

У исследуемой группы наиболее высокие показатели по этническим маркерам со всеми этническими группами. Только у этой группы объективный маркер «общее место жительства» получило (занимает) четвертый ранг. У всех остальных групп данный маркер получил самые высокие ранги — первый, второй.

Итак, можно видеть, что наиболее значимыми этническими маркерами своей группы являются общее место жительства, обычаи, обряды, язык, т.е. наблюдается практически одинаковая значимость признака по всем маркерам. *Относительно других этнических групп наиболее значимыми маркерами являются религия, общее историческое прошлое, внешний вид (рис.1), и наименее - язык, обычаи, обряды. Можно предположить, что это наиболее значимые маркеры для «внутреннего пользования».*

Рис.1. Важность признака для своего и других этносов

Рассмотрим значимость этнических маркеров для группы молодежи молдаван с гиперэтнической идентичностью, которая составляет — 11% (Таб.3).

У данной группы наиболее значимыми признаками, роднящими ее членов со своей группой, являются: обычаи, обряды, традиции; общее место жительства, религия, поведение. Наименее значимый признак — историческое прошлое, Для данной группы также характерна наибольшая близость с группами румын и русских.

Таблица 3. Культурная близость к этносам (группа гиперидентичных).

Признак общности с этносом	Этнос							Сумма выборов	Ранг признака
	Молд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум		
- общее место жительства	17	8	5	6	2	1	10	49	1
- общее историческое прошлое	9	10	4	2	1	1	17	44	2
- язык	14	7	0	1	0	0	17	39	4
- религия	15	10	8	1	2	0	7	43	3
- обычаи, обряды, традиции	19	2	2	4	3	0	7	37	5
- внешний вид	14	6	7	2	1	1	6	37	5
- поведение, черты характера	15	4	1	1	1	4	5	31	7
- что-то другое	6	1	1	3	4	4	4	23	8
По выборке:	109	48	28	20	14	11	73	303	

Рис. 2. Важность признака для своего и других этносов

При анализе важности маркера для своей и чужой группы можно выделить как наиболее значимый для своей группы – территория, общее историческое прошлое, религия. Маркеры, роднящие с другими этносами, это – общее место жительства, религия, внешний вид. Наименьшее значение получили этнические маркеры, роднящие с другими этническими группами, – поведение, черты характера; общее историческое прошлое. *Итак, мы видим, что одним из базовых маркеров,*

консолидирующих группы, выявлен – религия, общее место жительства.

Интересно то, что наименее их связывают с другими группами – обычаи, обряды (9%), поведение, черты характера (8%). Но проблемным оказывается показатель «общее историческое прошлое» относительно своей группы – только 9%. Здесь обозначается проблема для дальнейшего исследования – что включают в данный маркер представители выделенных типов этнической идентичности?

Этнические маркеры группы гипоидентичных (12%).

Таблица 4. Культурная близость к этносам (группа гипоидентичных).

Признак общности с этносом	Этнос							Сумма выборов	Ранг признака
	Молд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум		
- общее место жительства	23	8	6	6	6	5	6	60	1
- общее историческое прошлое	15	12	5	1	4	3	14	54	2
- язык	19	11	1	0	1	0	16	48	4
- религия	18	14	6	0	1	1	12	52	3
- обычаи, обряды, традиции	20	6	4	0	1	0	13	44	7
- внешний вид	14	6	6	4	2	5	9	46	5
- поведение, черты характера	14	10	4	4	1	4	8	45	6
- что-то другое	2	2	1	0	1	1	1	8	8
По выборке:	125	69	33	15	17	19	79	357	

Наиболее значимыми этническими маркерами для данной группы являются – общее место жительства; обычаи, обряды, традиции; язык. Наиболее близкая культурная дистанция с румынами и русскими. Маркерами, роднящими их с русскими являются – религия, общее историческое прошлое. С группой румын – язык, общее историческое прошлое, религия.

Из других групп наиболее близкая - культурная дистанция с румынами и русскими.

Значимыми маркерами по всей данной группе являются – общее место жительства, религия, язык. Наименее объединяющими этническими маркерами с другими группами являются – обычаи, обряды, традиции; поведение, черты характеры.

Рис. 3. Важность признака для своего и других этносов.

Последней группой по типам этнической идентичности является — этнонигилисты (8,5%) (Таб.5).

Таблица 5. Культурная близость к этносам (группа этнонигилистов).

Признак общности с этносом	Этнос							Сумма выборов	Ранг признака
	Молд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум		
- общее место жительства	16	6	6	6	4	2	8	48	2
- общее историческое прошлое	11	7	1	2	1	0	15	37	5
- язык	13	5	2	1	1	1	14	37	5
- религия	13	8	8	4	4	3	10	50	1
- обычаи, обряды, традиции	12	4	2	1	1	2	13	35	7
- внешний вид	12	7	4	6	7	2	10	48	2
- поведение, черты характера	13	6	4	3	2	3	7	38	4
- что-то другое	0	1	1	3	1	3	1	10	8
По выборке:	90	44	28	26	21	16	78	303	

Наиболее значимым этническим маркером является общее место жительства. Остальные маркеры выражены практически одинаково. Для данной группы румыны также являются наиболее близкой группой, наиболее значимые маркеры - историческое прошлое, язык. Религия является значимым фактором культурной близости со всеми группами.

Как видно, наиболее роднящими этническим маркерами с другими группами являются: религия, внешний вид, общее место жительства. Наименее значимые этнические маркеры – обычаи, традиции (Рис.4).

Рис.4. Важность признака для своего и других этносов.

Итак, для всех типов этнической идентичности молдаван значимыми маркерами для своей группы является обычаи, обряды; религия, язык, общее место жительства. С другими этническими группами их объединяет религия, общее место жительства, общее историческое прошлое. Важно изучить, что включает молодежь в этнический маркер «общего исторического прошлого»?

Итак, если обобщить эмпирические данные по культурной дистанции, то можно увидеть, что:

- для респондентов всех типов этнической идентичности на первые места выходят такие маркеры, как «общее место жительства»; «обычаи, обряды, традиции», «язык»;
- признаками, объединяющими молодежь молдаван с другими этническими группами, являются: «религия», «общее историческое прошлое», «общее место жительства». Здесь

есть различия в приоритетах, так для группы с *позитивной этнической идентичностью, этнонигилистов* наиболее значимым признаком, объединяющим его с другими группами, является «религия»; для гиперидентичных и гипоидентичных — «общее место жительства». Интересно, что для всех типов групп, кроме этнонигилистов, вторым объединяющим признаком является «общее историческое прошлое»;

- наиболее близкая культурная дистанция у молодежи молдаван всех типов этнической идентичности с группой — русских, украинцев.

Исходя из вышеуказанных признаков общности с другими этническими группами, наиболее мощным консолидирующим этнокультурным ресурсом является общее историческое прошлое, т.е. наше культурное наследие. Вековое мирное совместное проживание в Молдове разных этнических групп является тем социальным капиталом, который может стать основой как для консолидации общества, для инновационного рывка, так и (при пренебрежительном ситуативно-манипулятивном отношении) дезинтегрирующим фактором.

Следующим компонентом этнической идентичности являются *аффилиативные мотивы*, т.е. стремление к групповой принадлежности. Были выявлены следующие особенности аффилиативных мотивов у разных типов этнической идентичности:

- для группы с позитивной этнической идентичностью характерно превалирование аффилиативных мотивов (80,5%);
- для группы по типу гиперидентичности этнической идентичности характерно превалирование аффилиативных тенденций (77,3%), и значима группа «колеблющихся» (18,2%);
- для группы по типу гипоидентичности характерно также превалирование аффилиативных мотивов (58,3%), но значима и группа «колеблющихся» (37, 5%);

- для группы этнонигилистов характерно превалирование аффилиативных мотивов (76,5%). Количество антиаффилиативных респондентов и «колеблющихся» одинаково – по 11,8%.

Таким образом, тенденция превалирования аффилиативных мотивов наблюдается у всех выделенных типов групп. Однако у группы гипоидентичных выявлен самый высокий процент «колеблющихся» респондентов (37,5%) и наименьший с антиаффилиативными мотивами (4,2%).

Следующим этапом нашего исследования было изучение культурно- психологических универсалий. Для этого нами был применен «Культурно-ценностный дифференциал» Г.У. Солдатовой (1998). Цель методики – измерение в пределах психологической универсалии «индивидуализм-коллективизм» групповых ценностных ориентаций в четырех сферах жизненной активности: ориентации на группу, ориентации на власть, ориентации друг на друга и ориентации на изменения.

Перейдем к результатам эмпирического исследования культурных ценностей «индивидуализм-коллективизм».

Группа с позитивной этнической идентичностью (норма). По шкале ориентация на группу – ориентация на себя, явное преобладание ориентации на группу. Выражены такие характеристики, входящих в данную шкалу, как взаимовыручка (82,9%), верность традициям (69%). Вместе с тем, необходимо выделить значимость качества, характерного для индивидуалистических культур, – самостоятельность (50%). Поэтому не все так однозначно.

Анализ ценностной сферы ориентация на изменения, т.е. открытость-закрытость переменам выявил превалирование открытости переменам, но значимы и ценности «сопротивление переменам». Так превалирующими чертами является – устремленность в будущее (69,5%), открытость (48,8%), но по параметру «рискованность-осторожность» преобладает осторожность (42,7%).

Относительно сферы ориентации друг на друга, на взаимодействие, выявлено преобладание отвержения

взаимодействия с небольшим перевесом. Хотя преобладает миролюбие (58,5%), сердечность (70,7%), но вместе с тем достаточно сильно выражено соперничество (57,3%). Думается, что для данной возрастной группы это вполне естественная характеристика. Ведь именно в данном возрасте идет поиск себя в профессиональном плане, а это требует готовности к соперничеству, конкуренции.

Относительно сферы ориентации на власть выявлено, что у молодежи данного типа преобладает своеволие, недоверие к власти (62,2%). Однако это преобладание не столь ярко выражено. Одновременно для молодежи значима законопослушность (69,95).

В целом по данной группе преобладают культурные ценности ориентации на изменения, на взаимодействие и на слабый социальный контроль. Нам представляется, что данная группа обладает большим потенциалом самореализации в разных сферах деятельности общества.

Итак, для группы респондентов с позитивной этнической идентичностью характерны ориентация на группу, на взаимодействие, открытости изменениям, ориентированности на власть (социальный контроль), а также ценностные ориентации на коллективизм.

Для группы с гиперидентичной этнической идентичностью по шкале ориентация на группу – ориентация на себя, характерны: явное преобладание ориентации на группу, преобладание взаимовыручки (77,3%), параметры подчинение-самостоятельность практически выражены одинаково; преобладает верность традициям (77,3%).

По шкале ориентация на изменения «открытость переменам - сопротивление переменам» параметры открытости-замкнутости выражены практически одинаково, ориентация на будущее преобладает (59,1%), т.е. в целом преобладает открытость переменам.

Относительно сферы ориентации друг на друга, на взаимодействие выявлено преобладание направленности на взаимодействие. Однако миролюбие (45,5%) и агрессивность (54,5%) выражены практически одинаково. Преобладает

сердечность, соперничество. Итак, судя по параметрам, хотя и преобладает ориентация на взаимодействие, но и отвержение взаимодействия значимо выражено.

Сфера ориентации на власть выявляет, что преобладают ценности сильного социального контроля. Преобладают ценности дисциплинированности (50%), законопослушности (72,7%), и, в то же время, как ни странно – недоверие к власти (59,1%).

По данной психологической универсалии «индивидуализм-коллективизм» респонденты с гиперидентичной этнической идентичностью ориентированы на сильный социальный контроль. Для респондентов с гиперидентичной этничностью характерна *ориентация на группу, на изменения, на взаимодействия, на сильный социальный контроль.*

Следующей группой анализа культурных ценностей выступают респонденты с *гипоэтнической идентичностью.*

По шкале ориентация на группу – ориентация на себя преобладают ориентации на группу: взаимовыручка (64,7%), подчинение (76,5%), а также верность традициям (52,9%).

По шкале ориентация на изменения «открытость переменам - сопротивление переменам» преобладает замкнутость (58,3%), ориентация на будущее (50%); рискованность и осторожность выражены одинаково. Респонденты данной группы по открытости переменам и сопротивлению занимают *серединное* положение.

По шкале ориентации друг на друга, на взаимодействие - отвержение взаимодействия выявлено преобладание отвержения взаимодействия: миролюбие (20,8%) и агрессивность (66,7%). Преобладает холодность (58,8%), соперничество (52,9%). Итак, судя по параметрам, преобладает отвержение взаимодействия.

По шкале ориентации на власть выявлено, что преобладают ценности слабого социального контроля. Преобладание таких ценностей, как своеволие (58,8%), законопослушность и анархия выражено одинаково, статистических различий нет. *Значительно преобладает ориентация на «слабый социальный контроль» (88,2%).* В целом, по данной шкале преобладают ценности на слабый социальный контроль.

По данной психологической универсалии «индивидуализм-коллективизм» респонденты с *гипоэтнической идентичностью ориентированы на группу, ценности изменения и закрытость выражены одинаково, на отвержение взаимодействия, на слабый социальный контроль.*

Следующей группой анализа культурных ценностей являются респонденты группы *этнонигилистов.*

По шкале ориентация на группу – ориентация на себя, наблюдается преобладание ориентации на группу. Преобладают такие характеристики, входящие в данную шкалу, как взаимовыручка (64,7%), подчинение (76,5%). Однако параметры «верность традициям – разрушение традиций» выражены одинаково и статистических различий нет. *В целом, преобладает тенденция ориентации на группу.*

Анализ ценностной сферы ориентация на изменения, т.е. открытость-закрытость переменам, выявило одинаковую значимость как сопротивления переменам, так и открытость переменам. *Таким образом, этнонигилисты занимают срединное положение по данной ценностной сфере.*

Сфера ориентации друг на друга, на взаимодействие выявляет преобладание _____отвержения взаимодействия. Преобладают агрессивность (64,7%), холодность (58,%).

Сфера ориентации на власть выявляет, что у молодежи данного типа преобладает своеволие (58,8%), недоверие к власти (88,2%), законопослушность – анархия выражены одинаково.

Таким образом, для группы этнонигилистов *характерно отвержение взаимодействия, слабо выражена ориентация на власть. Вместе с тем, они ориентированы на группу, и занимают срединное положение между ориентацией на изменения и на сопротивление им.*

Анализ ценностей в пределах психологической универсалии «индивидуализм-коллективизм» типов этнической идентичности выявил следующие особенности:

- Для респондентов всех типов этнической идентичности молодежи молдаван характерна *направленность на группу*

(внутригрупповая поддержка, подчиненность группе, верность традициям).

- Для респондентов с *позитивной этнической идентичностью* характерны как ориентация на ценности коллективизма, так и индивидуализма. Данная группа занимает *серединное* положение на континууме «индивидуализм-коллективизм». Респонденты данной группы ориентированы на группу, на власть, и в то же время, на изменения, на соперничество. Видимо, такое *серединное положение на континууме* «индивидуализм-коллективизм» сегодня является наиболее оптимальным для сохранения позитивной этнической идентичности.
- Для респондентов с *гиперэтнической* идентичностью характерна ориентация на группу, на взаимодействие, на сильный социальный контроль, но в то же время они ориентированы на изменения. *Это наиболее коллективистическая подгруппа по ценностным ориентациям.* Хотя и здесь все не так однозначно. Так, по шкале «ориентация на взаимодействие» миролюбие и агрессивность выражены одинаково; по шкале «ориентации на власть» значимо выражено недоверие к власти.
- Респонденты с *гипоэтнической* идентичностью ориентированы на группу, занимают серединное положение между ориентацией на изменения — сопротивление изменениям; менее ориентированы на взаимодействие, на власть. В целом эту группу можно охарактеризовать как *индивидуалистическую.*
- Для этнонигилистов характерны ориентация на группу, серединное положение на шкале «ориентация на изменение-сопротивление изменениям»; ориентация на слабый социальный контроль, отвержение взаимодействия. Для данной группы характерен высокий уровень недоверия к власти, но в то же время, законопослушность и анархия выражены одинаково. По ценностным ориентациям данная группа может быть охарактеризована как *индивидуалистическая.*

Таким образом, анализ ценностей ориентаций в пределах психологической универсалии «индивидуализм-коллективизм» типов этнической идентичности молодежи молдаван выявил, что респонденты с положительной этнической идентичностью занимают срединное положение на данном континууме; гиперидентичные — ближе к коллективистическому полюсу; гипоидентичные, этнонигилисты — ближе к индивидуалистическому.

Обобщая эмпирические данные по выделенным типам этнической идентичности молодежи молдаван на основе этнического стереотипа, можно охарактеризовать их следующим образом:

- К группе с *позитивной этнической идентичностью* (норма) мы отнесли тех респондентов, у которых был положительный авто- и гетеростереотип. Этническая компонента не значима на личностном уровне, есть дифференциация своей группы от другой. Характерны этноаффилиативные мотивы; *срединное* положение на континууме «индивидуализм-коллективизм». Респонденты данного типа этнической идентичности ориентированы как на группу, на власть, так и на изменения, на соперничество. Видимо, *срединное положение на континууме* «индивидуализм-коллективизм» сегодня является наиболее оптимальным для сохранения позитивной этнической идентичности. Наиболее значимыми этническими маркерами относительно своей группы являются общее место жительства, обычаи, обряды, язык; с другими этническими группами - религия, общее историческое прошлое, внешний вид.
- Для респондентов группы с *гиперидентичной этнической идентичностью* характерны позитивная эмоциональная направленность на собственную группу и тенденцией к негативной эмоциональной направленности гетеростереотипа. У респондентов данной группы выявлена значимость этнической компоненты на личностном уровне, и это означает, что многие события окружающей жизни будут преломляться через «этнический фильтр» восприятия.

Характерно превалирование этноаффилиативных мотивов. По культурному синдрому они коллективистически ориентированы. Наиболее значимыми признаками, роднящими их со своей группой, являются обычаи, обряды, традиции; общее место жительства, религия, поведение. Наименее значимый признак, роднящий их с другими группами, историческое прошлое.

- Группа с *гипоэтнической идентичностью* характеризуется отрицательным аутостереотипом и положительный гетеростереотипом. На личностном уровне, этническая компонента не значима, есть дифференциация собственной группы с другой (русской). Эмоциональная направленность на собственную группу отрицательная (аутостереотип), на другую — положительная (гетеростереотип русских). Превалируют этноаффилиативные мотивы, но и группа «колеблющихся», значительна (37, 5%). Наиболее значимыми этническими маркерами для своей группы являются: общее место жительства; обычаи, обряды; для других групп — общее место жительства, историческое прошлое. Данная группа довлеет к индивидуалистическому культурному континууму.
- Группа *этнонигилистов* характеризуется отрицательной эмоциональной направленностью аутостереотипов и гетеростереотипов. Образ собственной группы и группы русских близок, статистических различий нет. Наиболее значимым этническим маркером своей группы для них является общее место жительства; с остальными роднит религия, внешний вид, историческое прошлое. У них превалируют этноаффилиативные мотивы. По культурному синдрому их можно охарактеризовать как индивидуалистов.

На основе описанных выше результатов исследования типологии этнической идентичности можно отметить, что этнокультурные процессы, изменения социальной структуры общества по-разному преломляются у членов одной этнической группы. Изучение внутригрупповых идентификационных процессов, происходящих на уровне этноса, даст возможность

прогноза этносоциальных практик как на личностном, так и на групповом уровнях. Обобщение эмпирических данных по типологии этнической идентичности будет продолжено, так как в данной статье мы изложили лишь часть результатов наших исследований по идентичности титульного этноса.

Анализ эмпирических данных типологии этнической идентичности на примере титульного этноса (молдаван) выявил как проблемные векторы развития этнической идентичности, так и ресурсный потенциал идентичности. Так, например, было бы желательно систематически проводить мониторинг этноидентификационных процессов, выявлять доминирующий тип идентификации, так как от этого во многом зависит эффективность стратегических приоритетов национальной политики.

Литература:

1. *Gaşper L.* Particularitățile psihologice ale identității etnice la adolescenți. Teză de doctor on psihologie, Chișinău, 2008.
2. *Caunenco I., Gaşper L.* Toleranța etnică și particularitățile socializării adolescenților la etapa contemporană // Familia: probleme sociale, demografice și psihologice. Red.responsabil: acad. Gh.Paladi, Chișinău, 2005, p. 120-197.
3. *Iacob L.* Etnopsihologie și imagologie: sinteze și cercetări. Iași: Polirom, 2003.
4. *Rădulescu-Motru C.* Psihologia poporului român. București: Paideia, 1998.
5. *Альбуханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т.2, №4, с.3-12.
6. *Бондырева С.К., Сайко Э.В.* Этносфера как составляющая воспроизводства Социума // Мир психологии. №3 (59), 2009, с.3.
7. *Бороньев А.О., Павленко В.Н.* Этническая психология. Санкт Петербург, 1994, с.139-142.
8. *Кауненко И.И.* Культурное и этническое самоопределение в Молдове // Век толерантности, 2003, N5, с.82-90,.
9. *Кауненко И.И.* Психологические особенности этнической идентичности подростков в Республике Молдова: проблемы и перспективы (на основе социально-психологических исследований) // Moldoscopie (probleme de analiză politică) 1(XXXII), 2006, p.36-67.
10. *Кауненко И.И.* К проблеме этнического самоопределения взрослых в Молдове // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Международной научной конференции 29-30 мая 2008 / отв.ред.Гриценко В.В. Смоленск, 2008, с. 269-276.

11. *Козлова М.* Психосоциальная идентичность и этническое самосознание: взаимодействие и развитие // Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М., 2002.
12. *Лебедева Н.М.* Социальная психология аккультурации этнических групп. Дисс.докт.психол.наук. М, 1997.
13. *Муддашева А.Б.* Роль этнопсихологической двойственности в межнациональных отношениях. Дисс...канд.психол.наук. М, 1991.
14. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
15. *Соснин В.А.* Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентичности. // Психологический журнал. 1997, Том 18, №1, с. 50-60.
16. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности /Дисс докт.психол.наук.-М.,1999.
17. *Стефаненко Т.Г.* Методы исследования этнической идентичности// Этнопсихология: практикум. Т.Г. Стефаненко – А.: Аспект Пресс, 2006, с.6.
18. *Сушков И.Р.* Психология взаимоотношения групп в социальной системе. автореф. док.психол.наук. М., 2002.
19. *Татарко А.Н.* Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия. дисс. канд. психол.наук. М., 2004.
20. *Шаншиева Л.Н.* Введение. Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы: Сб. научн. Трудов. РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ.исслед.глобал. и регионал. проблем. Редколл: Шаншиева Л.Н. (отв.ред.) и др. М., 2008.
21. *Шихирев П.Н.* Межнациональные отношения как объект социально-психологического исследования. // Социально-психологические исследования межнациональных отношений (Сборник научных трудов). Отв.ред. Шихирев П.Н, М.: Институт психологии РАН, 1993.
22. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. М., 1999.

ЦЕННОСТИ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ.

В период модернизации общества изучение ценностей дает возможность «увидеть изменения, происходящие в культуре и личности в ответ на исторические и социальные перемены» (Лебедева, 2000, 73). С позиций сообщества ценности становятся сферой особой активности, так как элементы социальной системы являются ее эффективными деятелями только в том случае, если видят или ощущают *ценность этого сообщества* (Сушков 2008, 175).

Сегодня проводятся исследования о влиянии культуры на отношение молодежи к инновациям (Лебедева, 2010, 122-129). В эмпирических исследованиях российских психологов были обнаружены межкультурные различия в индивидуальных ценностях русских и китайских студентов. Российские студенты предпочитают ценности, выражающие интересы индивида (Открытость изменениям и Самоутверждение), а китайские студенты – ценности, выражающие интересы группы (Сохранение и Самоопределение). Выявленные межкультурные различия в ценностных приоритетах отражают различия по линиям «традиционализм-модернизм». Китайская культура располагается ближе к полюсу традиционализма, а российская культура на этом континууме ближе к полюсу модернизированности. Исследование также выявило, что ценности Открытости к изменениям способствуют позитивным установкам по отношению к инновациям, а ценности Сохранения препятствуют (на общей, российской и китайской выборках) (Лебедева, 2010,123).

Были проведены исследования психологических последствий социокультурной модернизации. В частности, изучались изменения в структуре ценностей. В исследовании приняли участие – русские (г. Москва и г. Якутск), армяне (г. Ереван), эвенки, якуты, чукчи. Группы были разделены на две подгруппы:

а) имеющих ориентацию на поддержание современного образа жизни («современная группа»); б) ориентированных на поддержание традиционного образа жизни («традиционная группа»). Результаты изучения структуры ценностей данных групп показали, что респонденты, тяготеющие к современному образу жизни, демонстрируют большую приверженность типам ценностей — Саморегуляция, Достижение, Стимуляция, Власть, Гедонизм. Исследователи приходят к выводу, что «социокультурная модернизация» формирует тип личности, который характеризуется стремлением к личному успеху, разнообразию и удовольствиям в жизни.

«Традиционалисты» характеризуются большей приверженностью к ценностям мотивационных блоков, таких как *Конформность, Традиционализм* (Татарко, Козлова, Лебедева, 2007, 94).

Исследователи предполагают, что процесс социокультурной модернизации сопровождается отходом от ценностей *Традиционализма, Конформности*, большей ориентацией на ценности, способствующие индивидуальной достижительности (*Достижение, Саморегуляция, Власть*) и культивирующие стремление к удовольствиям (*Гедонизм и Стимуляция*) (Татарко, Козлова, Лебедева, 2007, 148).

С целью изучения ценностной сферы, как важной составляющей этнической идентичности, нами в течение ряда лет была применена методика Шварца (Карандашев, 2004) на разных возрастных этнических группах (молдаване, русские, украинцы, болгары, гагаузы) Молдовы. Кросс-культурные исследования ценностей по методике Шварца проходили на двух уровнях: индивидуальном и культурном. Культурный уровень ценностей этнических меньшинств и титульного этноса был нами изложен в ряде статей, опубликованных ранее (Кауненко, 2010 (а), 2010(б)).

В предлагаемой статье описаны результаты эмпирического исследования ценностей этнических групп — русских, украинцев на индивидуальном уровне.

В индивидуальном подходе Шварц утверждает, что содержательный аспект, отделяющий ценности друг от друга, —

это тип мотивации, которой они отражаются. Поэтому он сгруппировал в блоки отдельные ценности, разделяющие общую цель. Он исходил из того, что основные человеческие ценности, которые должны быть во всех культурах, - это те, которые представляют универсальные человеческие потребности (биологические нужды, потребности согласованного социального взаимодействия и требования групповой жизни) как осознанные цели. Он классифицировал ценности по десяти различным видам мотивации человека, которые понимал как основные типы или блоки ценностей. Они, по мнению автора, определяют направленность как конкретных действий индивида, так и всей его жизненной активности. Каждому типу мотивации соответствует своя ведущая мотивационная цель (Лебедева, Татарко, 2007, 39-40)

Выделены следующие мотивационные типы — **Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность (Саморегуляция), Универсализм, Доброта, Традиция, Конформность, Безопасность.**

Шварц и Билски предложили еще одно деление ценностей на две большие группы:

1. *Ценности, выражающие интересы индивида.* Им соответствуют следующие мотивационные блоки: **Власть, Достижение, Гедонизм, Стимулирование, Саморегуляция.**

2. *Ценности, выражающие интересы группы.* К ним принадлежат такие мотивационные блоки, как **Доброта (Благожелательность), Традиция, Конформность.**

Два мотивационных блока — **Универсализм и Безопасность,** выражают как *индивидуальные, так и групповые интересы.*

Исследователи также предложили следующую типологию противоречий между ценностями:

1) Ценности *сохранения* (**Безопасность, Конформность, Традиция**) противоречат ценностям *изменения* (**Стимулирование, Саморегуляция**).

2) Ценности *самоопределения, выхода за пределы собственного Эго* (**Универсализм, Благожелательность**),

противоречат ценностям *самовозвышения* — акцентирования «самости» (**Власть, Достижение, Гедонизм**).

На уровне индивида ценности понимаются как основа мотивов, которыми люди руководствуются в своей жизни. Отношения между различными ценностями отражают *психологическую* динамику конфликта и согласия, переживаемую людьми в процессе ежедневной актуализации своих ценностей (Лебедева, 2000, 73-74).

Мы остановимся на *индивидуальном уровне* ценностей этнических меньшинств Молдовы на современном этапе.

Общая выборка составила **326** человек. Возрастной состав и образовательный статус: **16-18 лет** (школьники); **18-19 - 25 лет** (студенты); **25-55 лет** (работающие взрослые). Этнические группы: русские — **165** респондентов, украинцы — **161** респондентов.

Период исследования: 2004, 2008 годы (школьники); 2006 год (студенты); 2007 — 2009 годы (взрослые).

Для сравнения средних показателей по ценностям и выявления различий применен критерий Крускала-Уоллиса. При обработке данных использовались статистические пакеты SPSS 12.0 и Excel. Были подсчитаны средние значения ценностей — наиболее и наименее предпочитаемые; проведено ранжирование мотивационных типов ценностей по всем возрастным группам.

Итак, обратимся к результатам эмпирического исследования. Проанализируем особенности ценностной сферы этнической группы русских. Для начала выделим ценности, которые наиболее предпочитаемые для старших школьников. (Таб.1)

Если сравнить наиболее предпочитаемые ценности старших школьников двух выборок русских, то можно увидеть ряд различий. Приоритетные ценности для выборки школьников 2004 года, стали менее значимыми для школьников 2008 года. Это такие ценности, как *способный, честный, мудрость, жизнь, полная впечатлений, истинная дружба*. Ценность, наименее значимая у школьников выборки 2004 года (50 место), стала входить в группу наиболее значимых у школьников 2008 года, это - *потворствующий своим желаниям*.

Таб. 1. Наиболее предпочитаемые ценности русских (школьники).

Школьники 2004			Школьники 2008	
	Ценности	М(ср.знач.)	Ценности	М(ср.знач.)
1	Безопасность семьи	6,55	Смысл жизни	6,28
2	Истинная дружба	6,39*	Безопасность семьи	6,13
3	Целеустремленный	6,18*	Здоровый	6,00
4	Зрелая любовь	6,08	Истинная дружба	6,00*
5	Здоровый	5,97	Свобода	5,98
6	Умный	5,89	Умный	5,90
7	Честный	5,87	Зрелая любовь	5,83
8	Способный	5,84**	Внутренняя гармония	5,68
9	Мудрость	5,84**	Самоуважение	5,60
10	Жизнь, полная впечатлений	5,82*	Уважающий родителей и старших	5,58
11	Верный	5,79	Целеустремленный	5,53*
12	Смысл жизни	5,79	Успешный	5,50
13	Выбирающий собственные цели	5,74	Потворствующий своим желаниям	5,48***

*Достоверность различий $p < 0,05$

** Достоверность различий $p < 0,01$

*** Достоверность различий $p < 0,001$

Если сравнить наиболее предпочитаемые ценности старших школьников двух выборок русских, то можно увидеть ряд различий. Приоритетные ценности для выборки школьников 2004 года, стали менее значимыми для школьников 2008 года. Это такие ценности, как *способный, честный, мудрость, жизнь, полная впечатлений, истинная дружба*. Ценность, наименее значимая у школьников выборки 2004 года (50 место), стала входить в группу наиболее значимых у школьников 2008 года, это - *потворствующий своим желаниям*.

Но что характерно для обеих выборок старших школьников русских, так это то, что ценности безопасности «ближнего круга» являются наиболее значимыми. Хотя и не стали еще статистически более значимыми ценности *самоуважение, успешный*, но они занимают уже приоритетные позиции. Данные ценности входят в ценностные блоки — **Достижение, Гедонизм**, которые отражают ценности *Самоутверждения*.

Анализ ценностей, наименее значимых для старших школьников русских.

Таб. 2. Наименее предпочитаемые ценности русских (школьники).

Школьники 2004			Школьники 2008	
	Ценности	М(ср.знач.)	Ценности	М(ср.знач.)
1	Защищающий окружающую среду	4,53	Защищающий окружающую среду	4,08
2	Склонный прощать	4,50	Единство с природой	4,05
3	Богатство	4,39	Национальная безопасность	4,03
4	Послушный	4,37	Влиятельный	3,98
5	Единство с природой	4,29	Богатство	3,85
6	Потворствующий своим желаниям	4,13***	Сдержанный	3,78
7	Уважение традиций	3,95	Уважение традиций	3,73
8	Скромный	3,82	Скромный	3,53
9	Влиятельный	3,50	Благочестивый	3,38
10	Духовная жизнь	3,39*	Социальная сила	3,15
11	Благочестивый	3,00	Принимающий жизнь	3,05
12	Авторитет	2,84*	Изменчивая жизнь	3,00
13	Социальная сила	2,13	Послушный	2,88**

*Достоверность различий $p < 0,5$

** Достоверность различий $p < 0,01$

*** Достоверность различий $p < 0,001$

Наименее значимы ценности *изменчивая жизнь* (жизнь, наполненная проблемами, новизной, изменениями), *защита окружающей среды, единство с природой, уважение традиций* и другие. В целом они отражают ценности *Сохранения, Самоутверждения*. Итак, для старших школьников пока не важны ценности сохранения традиций, поддержания стабильности общества.

Обратимся к эмпирическим данным по мотивационным типам (МТ) ценностей школьников. (Таб.3,4)

Если сравнить МТ ценностей старших школьников 2004 и 2008 годов, можно увидеть отличия по структуре. Значительная разница в рангах наблюдается у трех мотивационных типов ценностей — **Стимуляция, Гедонизм, Доброта**. Снизилась значения ценностей МТ **Стимуляция, Универсализм**.

Таб. 3. Мотивационные типы ценностей школьников (2004)

№	Мотивационный тип	Нормативные идеалы	
		М (ср.знач)	Ранг
1	Конформность	4,93	6
2	Традиции	4,09	9
3	Доброта (Благожелательность)	5,31	2
4	Универсализм	4,86*	7
5	Самостоятельность (Саморегуляция)	5,42	1
6	Стимуляция	5,15**	5
7	Гедонизм	4,76	8
8	Достижения	5,30	3
9	Власть	3,43	10
10	Безопасность	5,27	4

*Достоверность различий $p < 0,05$

** Достоверность различий $p < 0,01$

*** Достоверность различий $p < 0,001$

Таб. 4. Мотивационные типы ценностей школьников (2008)

№	Мотивационный тип	Нормативные идеалы	
		М (ср.знач.)	Ранг
1	Конформность	4,33	7
2	Традиции	3,49	10
3	Доброта (Благожелательность)	4,93	4
4	Универсализм	4,55*	6
5	Самостоятельность (Саморегуляция)	5,17	1
6	Стимуляция	4,31**	8
7	Гедонизм	5,08	3
8	Достижения	5,09	2
9	Власть	3,53	9
10	Безопасность	4,84	5

*Достоверность различий $p < 0,05$

** Достоверность различий $p < 0,01$

*** Достоверность различий $p < 0,001$

Наиболее значимыми МТ ценностей у обеих выборок являются **Самостоятельность** (свобода мысли и действия, стремление к автономии). Для школьников 2004 года значимы МТ ценностей - **Доброта** (поддержание и повышение благополучия

людей, с которыми человек в контакте), **Достижение** (личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами).

Для выборки 2008 года наиболее приоритетными являются **Достижение, Гедонизм**, которые нацелены на получения удовольствия, потакание самому себе.

В целом по группе русских старших школьников наиболее приоритетными являются МТ ценностей *Открытости изменениям* (МТ **Самостоятельность, Достижение**), т.е. стремление к независимости, автономии взглядов. Но не все так однозначно. Для старших школьников значимы МТ ценностей *Самоутверждения* (МТ **Достижение**), *Самоопределения* (МТ **Доброта**).

Иными словами, для старших школьников - русских важны: независимость, автономность, стремление к самоутверждению через успех, признаваемый окружающими. Наименее для них значимы ценности сохранения традиций, доминирования.

Анализ приоритетных ценностей молодежи русских (студентов) выявил, что для них так же, как и для старших школьников, важны ценности *семьи, здоровья, дружбы*. Вместе с тем, повысилась приоритетность ценностей - *национальная безопасность, социальный порядок, жизнь, полная впечатлений, мир во всем мире*, т.е. ценности, входящие в МТ **Безопасность, Универсализм, Стимуляция**.

К наименее предпочитаемым ценностям отнесены ценности, включенные в МТ ценностей **Традиции, Власть**. Если описать сферу наименее значимых ценностей для русской молодежи, можно сказать, что для них не столь значимы стремление к власти, поддержание традиций, акцент на духовной жизни.

Наиболее высокий ранг в МТ ценностей получили ценности **Безопасности, Достижения, Самостоятельности**. Это означает, что для русской молодежи значимы ценности стабильности, безопасности, гармонии семьи, общества и самого индивида, достижения личного успеха. *Итак, для русской молодежи важны ценности Сохранения и Самоутверждения.*

Таб. 5. Наиболее предпочитаемые ценности русских (студенты)

Студенты		
	Ценности	М(ср.знач.)
1	Безопасность семьи	6,45
2	Здоровый	6,23
3	Умный	5,90
4	Мир во всем мире	5,90
5	Смысл Жизни	5,73
6	Зрелая Любовь	5,70
7	Успешный	5,70
8	Способный	5,65
9	Внутренняя гармония	5,65
10	Национальная безопасность	5,60
11	Жизнь, полная впечатлений	5,60
12	Истинная дружба	5,60
13	Социальный порядок	5,53

Таб. 6. Наименее предпочитаемые ценности русских (студенты)

Студенты		
	Ценности	М(ср.знач.)
1	Сдержанный	4,08
2	Принимающий жизнь	4,05
3	Склонный прощать	3,98
4	Уважение традиций	3,90
5	Единство с природой	3,88
6	Влиятельный	3,73
7	Духовная жизнь	3,55
8	Скромный	3,55
9	Авторитет	3,53
10	Послушный	3,48
11	Смелый	3,48
12	Благочестивый	2,88
13	Социальная сила	2,33

Таб. 7. Мотивационные типы ценностей молодежи русских

№	Мотивационный тип	Нормативные идеалы	
		М (ср.знач)	Ранг
1	Конформность	4,58	7
2	Традиции	3,69	9
3	Доброта (Благожелательность)	4,79	4
4	Универсализм	4,71	5
5	Самостоятельность (Саморегуляция)	4,98	3
6	Стимуляция	4,55	8
7	Гедонизм	4,67	6
8	Достижение	5,14	2
9	Власть	3,53	10
10	Безопасность	5,45	1

Наименее предпочитаемыми ценностями являются достижение социального статуса, влияние на людей (МТ **Власть**), поддержание традиций, обычаев (МТ **Традиция**). И так, для русской молодежи приоритетными являются ценности, выражающие интересы индивида (МТ **Достижение**, **Самостоятельность**). Но вместе с тем резко возрастает значимость стабильности, предсказуемости мира (МТ **Безопасность**). Таким образом, для русской молодежи значимыми являются ценности предсказуемости мира, стабильности, самоутверждения и наименее значимыми - ценности традиции, лидерства, состязательности.

Ценности, наиболее предпочитаемые взрослыми группы русских, представляют интерес как в культурологическом аспекте, так и возрастном: данная группа имеет опыт проживания в иной социально-экономической формации (социалистической), поэтому сам по себе интересен процесс ее включения в рыночную систему. Понятно, что переход в другую социально-экономическую структуру оказывает влияние на ценностную сферу взрослых.

В целом, приоритетные ценности взрослых русских - это ценности, входящие в МТ **Безопасность**, **Универсализм**, **Доброта**. Ценности *здоровья, безопасности семьи, истинной дружбы* – все это ценности, удовлетворяющие потребность в стабильности, поддержке.

Таб. 8. Наиболее предпочитаемые ценности русских (взрослых)

Взрослые		
	Ценности	М(ср.знач.)
1	Безопасность семьи	6,31
2	Здоровый	6,03
3	Внутренняя гармония	5,60
4	Истинная дружба	5,57
5	Зрелая Любовь	5,49
6	Мудрость	5,40
7	Самоуважение	5,23
8	Ответственный	5,11
9	Свобода	5,09
10	Честный	5,09
11	Уважающий родителей и старших	5,09
12	Верный	5,09
13	Чистоплотный	5,06

Как можно видеть (Таб. 9), наименее значимыми ценностями являются те, которые входят в МЦ – **Власть, Гедонизм, Стимуляция**. Видимо, в период длительной социальной нестабильности, в котором пребывает наше общество в настоящее время, потребности в наслаждении жизнью, влияния на других людей находятся пока на периферии.

Таб. 9. Наименее предпочитаемые ценности русских (взрослых)

Взрослые		
	Ценности	М(ср.знач.)
1	Защищающий окружающую среду	3,63
2	Самодисциплина	3,63
3	Удовольствие	3,54
4	Влиятельный	3,20
5	Смелый	3,14
6	Авторитет	3,09
7	Благочестивый	3,06
8	Принимающий жизнь	3,00
9	Наслаждающийся жизнью	2,94
10	Послушный	2,89
11	Потворствующий своим желаниям	2,63
12	Изменчивая жизнь	2,40
13	Социальная сила	1,29

Наиболее предпочитаемыми МТ ценностей (таб.10) являются **Безопасность, Доброта**, которые включают стабильность, безопас-

ность, гармонию и поддержание благополучия с окружающими. Данные МТ ценностей относятся к ценностям **Сохранения**.

Иными словами, взрослым русским свойственны как ценности сохранения, так и ценности изменения. Наиболее приоритетный МТ **Доброта**, относится по Шварцу к ценностям, выражающим *интересы группы*. Также приоритетным является МТ **Самостоятельность**, который относится к ценностям, *выражающими интересы индивида*. МТ блок **Безопасность**, по Шварцу, относится к ценностям выражающим интересы индивида, так и группы.

Наименее значимы МТ ценностей – **Власть, Гедонизм**, которые относятся, по Шварцу, к ценностям *Самоутверждения*.

Итак, если охарактеризовать ценностную сферу взрослых русских, можно сказать, что у них актуализирована потребность в предсказуемости, стабильности социального окружения, самоопределения в данной социальной структуре. Они стремятся к независимости, автономности. Для них, так же, как и для молодежи, наименее значимы ценности поддержания традиций, доминирования.

Характеризуя ценностную сферу взрослых русских, можно отметить следующую ее направленность – *Сохранение – Самоопределение – Открытость изменениям*. Вектор *Самоутверждения* менее выражен. Пока ценностную сферу можно охарактеризовать как «транзитивную», а именно: есть настоящая потребность в определенности, самоопределения себя в социальной структуре общества и открытость изменениям.

Таб.10. Мотивационные типы ценностей взрослых русских

№	Мотивационный тип	Нормативные идеалы	
		М (ср.знач)	Ранг
1	Конформность	4,07	6
2	Традиции	3,45	7
3	Доброта (Благожелательность)	4,78	2
4	Универсализм	4,36	5
5	Самостоятельность(Саморегуляция)	4,63	3
6	Стимуляция	3,23	8
7	Гедонизм	3,04	9
8	Достижение	4,43	4
9	Власть	2,91	10
10	Безопасность	5,18	1

Если проанализировать МТ ценностей по всем возрастным группам русских, можно выделить усиление значимости ценностей безопасности, предсказуемости социального окружения. У молодого поколения значимы ценности самоутверждения. И для всех возрастных групп русских наименее приоритетными являются ценности поддержания традиций, состязательности, доминирования.

Перейдем к анализу ценностной сферы этнической группы украинцев. Проанализируем ценностную сферу старших школьников. Наиболее приоритетными для старших школьников являются ценности ближнего круга – семья, друзья, безопасность (Таб.11). Значимыми ценностями для старших школьников украинцев являются - наслаждающийся жизнью, свобода, верный, что в целом соответствует и возрастным особенностям данной группы.

Таб. 11. Наиболее предпочитаемые ценности украинцев (школьники)

Школьники 2004			Школьники 2008	
	Ценности	М(ср.знач.)	Ценности	М(ср.знач.)
1	Зрелая любовь	6,56	Безопасность семьи	6,23
2	Безопасность семьи	6,54	Свобода	6,13
3	Здоровый	6,38	Здоровый	6,03
4	Истинная дружба	6,32	Истинная дружба	6,03
5	Умный	6,26	Смысл жизни	5,93
6	Наслаждающийся жизнью	6,22	Наслаждающийся жизнью	5,73
7	Мир во всем мире	6,08	Зрелая любовь	5,70
8	Целеустремленный	6,04	Уважающий родителей и старших	5,63
9	Свобода	5,98	Мудрость	5,60
10	Верный	5,98	Верный	5,58
11	Ответственный	5,96	Самостоятельный	5,55
12	Способный	5,96	Целеустремленный	5,53
13	Жизнь полная впечатлений	5,94	Самоуважение	5,50

* Достоверность различий $p < 0,5$

** Достоверность различий $p < 0,01$

*** Достоверность различий $p < 0,001$

Наименее приоритетными ценностями являются ценности подчинения, доминирования, гедонистической направленности

(таб.12). Также непривлекательна жизнь, наполненная проблемами, новизной (изменчивая жизнь), ответственность.

Таб. 12. Наименее предпочитаемые ценности украинцев (школьники)

Школьники 2004			Школьники 2008	
	Ценности	М(ср.знач.)	Ценности	М(ср.знач.)
1	Честный	5,74	Сдержанный	4,08
2	Сохраняющий свой имидж	5,14	Мир Красоты	4,03
3	Послушный	4,32	Потворствующий Своим Желаниям	4,00
4	Умный	6,26	Национальная Безопасность	3,85
5	Полезный	5,20	Влиятельный	3,83
6	Наслаждающийся жизнью	6,22	Защищающий окружающую среду	3,73
7	Благочестивый	3,54	Уважение Традиций	3,68
8	Ответственный	5,96	Изменчивая Жизнь	3,35
9	Любознательный	5,08	Социальная Сила	3,25
10	Склонный прощать	5,04	Благочестивый	2,95
11	Успешный	5,84	Послушный	2,88
12	Чистоплотный	5,22	Скромный	2,70
13	Потворствующий своим желаниям	3,50	Принимающий Жизнь	2,65

*Достоверность различий $p < 0,5$

** Достоверность различий $p < 0,01$

*** Достоверность различий $p < 0,001$

Анализ мотивационных типов ценностей (МТ) школьников-украинцев обеих выборок выявил значимые различия практически по всем МТ ценностей, за исключением МТ **Самостоятельность (Саморегуляция)**, МТ **Гедонизм** (таб.13,14). Это, конечно, очень интересный фактор, когда столь значимо изменяется ценностная сфера. Так, *снизилась* значимость МТ ценностей **Стимуляции, Универсализма, Доброты, Традиции, Конформности, Достижение, Безопасности** у школьников-украинцев выборки 2008, и, напротив, выросла значимость МТ **Власти**.

Если посмотреть по структуре ценностей обеих выборок школьников-украинцев, можно проследить произошедшие изменения – снижение ранга МТ **Стимуляция, Конформность** и повышение ранга МТ **Гедонизм** у выборки школьников-украинцев 2008г. Иными словами, это означает возрастание

ценности позитивного эмоционального переживания, и снижение стремления к новизне, состязательности и защите стабильности.

Таб.13. Мотивационные типы ценностей украинцев - школьников (2004)

№	Мотивационный тип	Нормативные идеалы	
		М (ср.знач)	Ранг
1	Конформность	5,15***	6
2	Традиции	4,03***	9
3	Доброта (Благожелательность)	5,58*	1
4	Универсализм	4,92**	7
5	Самостоятельность (Саморегуляция)	5,46	2
6	Стимуляция	5,40***	3
7	Гедонизм	4,74	8
8	Достижение	5,36*	4
9	Власть	3,18*	10
10	Безопасность	5,35**	5

*Достоверность различий $p < 0$,

** Достоверность различий $p < 0,01$

*** Достоверность различий $p < 0,001$

Таб. 14. Мотивационные типы ценностей украинцев - школьников (2008)

№	Мотивационный тип	Нормативные идеалы	
		М (ср.знач)	Ранг
1	Конформность	4,44***	8
2	Традиции	3,21***	10
3	Доброта (Благожелательность)	5,00**	2
4	Универсализм	4,64**	6
5	Самостоятельность(Саморегуляция)	5,44	1
6	Стимуляция	4,50*	7
7	Гедонизм	4,98	4
8	Достижение	4,98*	3
9	Власть	3,74*	9
10	Безопасность	4,71**	5

*Достоверность различий $p < 0,5$

** Достоверность различий $p < 0,01$

*** Достоверность различий $p < 0,001$

Приоритетными для обеих выборок школьников-украинцев являются ценности МТ **Доброты (Благожелательности)**, направленные на позитивное взаимодействие с окружающими,

потребность в групповой принадлежности. Интересно, что МТ ценностей **Самостоятельность**, занимая высокий ранг в обеих группах, не изменился. Это означает, что потребность в автономности, свободе, независимости стабильно остается значимой и неизменной. Следовательно, *потребность в позитивном взаимодействии с окружающим миром, в автономности, независимости является значимой для обеих выборок старших школьников-украинцев.*

Есть значительные изменения приоритетов ценностей у школьников обеих выборок: наибольшую значимость для школьников 2008 года приобретает МТ ценностей **Достижение, Гедонизм**, т.е. ценности самоутверждения, относящиеся к *индивидуальным ценностям. Мы можем утверждать, что для школьников-украинцев выборки 2008 года приоритетными становятся ценности, выражающие интересы индивида.* Ценности МТ **Власти, Традиции** остаются стабильно наименее значимыми для обеих выборок школьников, однако со статистически значимым снижением у школьников выборки 2008 года, т.е. *ценности сохранения, доминирования, лидерства не столь актуальны. Итак, у школьников – украинцев, двух выборок (2004, 2008), мы можем констатировать изменение значимости практически всех МТ ценностей. С чем связаны такие изменения ценностной сферы, мы пока объяснить не можем.*

Перейдем к анализу ценностной сферы молодежи - украинцев. Наиболее предпочитаемые ценности - составляющие блоки **Доброты, Достижений, Стимуляции, Конформности, Универсализма** (таб.15). Для молодежи особо значимо взаимодействие с окружающими, терпимость, т.е. ценности самоутверждения, самоопределения, сохранения.

Если проанализировать ценности, наименее значимые для молодежи украинцев, то они относятся к следующим МТ типам: **Гедонизм, Традиции, Стимуляция** (таб.16). Для молодежи - украинцев наименее значимы ценности изменчивости, перемен в жизни, доминировании, ценности послушания.

Таб. 15. Наиболее предпочитаемые ценности украинцев (студенты)

Студенты		
	Ценности	М(ср.знач.)
1	Склонный прощать	7,00
2	Самоуважение	6,65
3	Целеустремленный	6,58
4	Жизнь полная впечатлений	6,30
5	Самодисциплина	6,30
6	Здоровый	6,08
7	Мудрость	6,08
8	Открытый к чужим мнениям	6,03
9	Внутренняя гармония	6,03
10	Успешный	6,00
11	Ответственный	6,00
12	Уважающий родителей и старших	6,00
13	Вежливость	5,98

Таб. 16. Наименее предпочитаемые ценности украинцев (студенты)

Студенты		
	Ценности	М(ср.знач.)
1	Защищающий окружающую среду	3,63
2	Самодисциплина	3,63
3	Удовольствие	3,54
4	Влиятельный	3,20
5	Смелый	3,14
6	Авторитет	3,09
7	Благочестивый	3,06
8	Принимающий жизнь	3,00
9	Наслаждающийся жизнью	2,94
10	Послушный	2,89
11	Потворствующий своим желаниям	2,63
12	Изменчивая жизнь	2,40
13	Социальная сила	1,29

Анализ МТ ценностей по структуре молодежи украинцев весьма отличается от школьников обеих выборок и взрослых. На первое место в этой группе выходят ценности МТ **Конформность**, т.е. ценности сохранения, выживания, гармоничного

взаимодействия с окружающими. Необходимо отметить высокий показатель данного МТ ценностей на уровне «очень важный». Высокие ранги получили МТ **Стимуляция, Доброта (Благожелательность)**, которые выражают состязательность, стремление к новизне, а с другой стороны, - стремление и потребность к групповой принадлежности. Таким образом, *приоритетными ценностями для молодежи украинцев являются как ценности выживания, групповой принадлежности, так и ценности состязательности, активности.* По структуре ценностей молодежь украинцев отличается от школьников и от взрослых.

Статистически значимые различия выявлены у студентов-украинцев со школьниками-украинцами (2008) по МТ ценностей **Конформность** ($p < 0,001$), **Традиции** ($p < 0,001$), **Универсализм** ($p < 0,000$), **Достижения** ($p < 0,01$), **Безопасность** ($p < 0,000$); со взрослыми – **Универсализм** ($p < 0,001$), **Самостоятельность** ($p < 0,05$), **Гедонизм** ($p < 0,001$), **Достижения** ($p < 0,05$).

Группа молодежи украинцев по структуре ценностей значительно отличается от школьников-украинцев и взрослых-украинцев. Наиболее приоритетными МТ ценностей являются – **Конформность, Стимуляция, Доброта (Благожелательность)**, т.е. высокая значимость гармоничных отношений с окружающими и при этом стремление к новизне и состязательности в жизни. По результатам наших исследований идентичности этнических групп Молдовы, украинцы наиболее адаптированная группа, и у них сформировалась позитивная этническая идентичность (Кауненко, 2008, 42).

Таб.17. Мотивационные типы ценностей студентов-украинцев

№	Мотивационный тип	Нормативные идеалы	
		М (ср.знач)	Ранг
1	Конформность	6,05	1
2	Традиции	4,68	9
3	Доброта (Благожелательность)	5,58	3
4	Универсализм	5,39	5
5	Самостоятельность (Саморегуляция)	4,84	8
6	Стимуляция	5,92	2
7	Гедонизм	3,27	10
8	Достижение	5,29	6
9	Власть	5,54	4
10	Безопасность	5,15	7

Изучение ценностей взрослых украинцев выявило приоритет ориентации на ближний круг, стабильность, конформизм (таб.18). В этом отношении приоритетные ценности взрослых украинцев во многом схожи с ценностями взрослых русских: семья, гармония с самим собой, самоуважение и т.д.

Таб. 18. Наиболее предпочитаемые ценности украинцев (взрослые)

Взрослые		
	Ценности	М(ср.знач.)
1	Безопасность семьи	6,61
2	Мир во всем мире	6,39
3	Здоровый	6,16
4	Социальный порядок	5,94
5	Уважающий родителей и старших	5,87
6	Истинная дружба	5,68
7	Чистоплотный	5,68
8	Внутренняя гармония	5,61
9	Смысл жизни	5,58
10	Самоуважение	5,52
11	Способный	5,48
12	Ответственный	5,48
13	Зрелая любовь	5,48

Наименее предпочитаемые ценности - это ценности доминирования, стремление изменений в жизни, гедонизм (таб.19).

Таб. 19. Наименее предпочитаемые ценности украинцев (взрослые)

Взрослые		
	Ценности	М(ср.знач.)
1	Единство с природой	3,94
2	Скромный	3,90
3	Влиятельный	3,65
4	Удовольствие	3,61
5	Принимающий жизнь	3,58
6	Потворствующий своим желаниям	3,45
7	Смелый	3,42
8	Послушный	3,32
9	Благочестивый	3,16
10	Наслаждающийся жизнью	3,13
11	Авторитет	3,06
12	Изменчивая жизнь	2,26
13	Социальная сила	2,16

Анализ МТ ценностей взрослых украинцев свидетельствует, что приоритетными для них являются мотивационные цели безопасности, потребности в гармоничном, взаимодействии с окружающим миром, стремление к достижению успеха.

Иными словами, значимы потребности в предсказуемости окружающего мира, самоопределении и самоутверждении себя в этом мире.

Таб. 20. Мотивационные типы ценностей взрослых украинцев

№	Мотивационный тип	Нормативные идеалы	
		М (ср.знач)	Ранг
1	Конформность	4,69	5
2	Традиции	3,87	7
3	Доброта	5,05	2
4	Универсализм	4,66	6
5	Самостоятельность	4,79	4
6	Стимуляция	3,34	9
7	Гедонизм	3,40	8
8	Достижения	4,97	3
9	Власть	3,23	10
10	Безопасность	5,65	1

Для всех возрастных групп украинцев, значимыми являются ценности *самоопределения* (МТ **Благожелательность**). Для старших школьников, студентов актуальными являются ценности *изменения* (МТ **Стимуляция, Саморегуляция**). Вместе с тем, для студентов, взрослых украинцев актуальны ценности *сохранения*, (МТ **Конформность, Безопасность**), *самовозвышения* (МТ **Власть, Достижение**) в отличие от школьников обеих выборок. Итак, в целом для группы украинцев, актуальны ценности *самоопределения, сохранения, и изменения*.

Обобщение результатов изучения ценностей русских и украинцев на индивидуальном уровне, у разных возрастных групп позволяет сформулировать следующие выводы:

- Для старших *школьников - русских и украинцев*, по структуре ценностей, наиболее значимыми являются МТ **Самостоятельность (Саморегуляция), Достижения, Доброта (Благожелательность)**, т.е. *ценности изменения, самоопределения, акцентирования в себе индивидуально-*

личностного начала. Наименее значимы для обеих групп старших школьников ценности МТ **Власть, Традиции**, т.е. *потребности в лидерстве, поддержании традиций.* У русских и украинцев - старших школьников выросла значимость ценностей МТ **Гедонизма**, т.е. стремления к позитивному эмоциональному переживанию. В отличие от группы взрослых, у старших школьников обеих этнических групп, ценности *безопасности* не занимают приоритетных позиций, что возможно может свидетельствовать о тенденции снижения вектора *сохранения.* Итак, для старших школьников русских, украинцев значимы ценности *изменения, самоопределения, акцентирования «самости».*

- Для студентов - русских приоритетными являются ценности стабильности окружающего мира, свободы, самостоятельности, самоопределения. Особо хотелось бы отметить возрастание у русских студентов значимости ценностей **МТ Безопасности**, которые относятся к ценностям *сохранения.* То есть, для русских студентов приоритетными являются ценности предсказуемости мира, его определенность. Для студентов - украинцев приоритетными являются ценности позитивного взаимодействия с окружением (**МТ Конформизм**), открытость изменениям, новизне и потребность в самоопределении. У студентов - украинцев более выражены **МТ Конформизм** ($p < 0,5$), **Универсализм** ($p < 0,001$), **Традиции** ($p < 0,001$). Структура МТ ценностей русских студентов, по сути, схожа с украинцами. Так, у русских самый высокий ранг получает МТ **Безопасность**, у украинцев - **Конформность**. Оба эти мотивационных типа входят в группу ценностей *сохранения.* Следующими приоритетными ценностями являются: у русских – МТ **Самостоятельность**, у украинцев – МТ **Стимуляция**, входящие в группу ценностей *изменения.* Наименее значимыми являются ценности МТ **Традиции.** Таки образом, для обеих этнических групп молодежи значимы ценности *сохранения, изменения, самоопределения.*

- Структура ценностей *взрослых* русских и украинцев схожа. Приоритетными являются ценности *сохранения* (МТ **Безопасность**), *самоопределения* (МТ **Доброта (Благожелательность)**). Данные МТ ценностей относятся к *групповым* ценностям. Наименее важными являются ценности *влияния* (МТ **Власть**), *наслаждения жизнью* (МТ **Гедонизм**). *Иными словами, для взрослых обеих выборок значимы ценности сохранения, самоопределения, открытости изменениям, самоутверждения.*

Проведенное нами исследование показывает, что ценности *сохранения* остаются приоритетными и для молодежи, и для взрослых. Мы можем фиксировать определенную межпоколенную преемственность ценностей в этом направлении, *на индивидуальном* уровне. Большинство обществ, ценности которых сдвинулись в сторону *выживания*, - это посткоммунистические страны, отреагировавшие на крушение своих экономических, социальных и политических систем. В то же время население высокоразвитых индустриальных стран придает особое значение ценностям *самовыражения* (Лебедева, Татарко, 2009, 21).

Как отмечал американский социолог Рональд Инглхард, который инициировал исследование «Всемирный обзор ценностей» (обзор проводится около 30 лет и охватывает около 75 стран), низкий уровень ценностей *самовыражения* в посткоммунистических обществах остается неизменным, даже после роста экономических показателей.

Изучение ценностной сферы русских и украинцев Молдовы можно охарактеризовать как «лоскутное». Наряду с преобладанием ценностей *Сохранения*, достаточно приоритетными являются ценности *Открытости изменениям, Самоопределения*. Выявленная тенденция значимости МТ ценностей — **Самостоятельность** (всех возрастных групп), **Стимуляция** (у молодежи) является тем социальным ресурсом, который требует развития, практического применения в культурной и социально-экономической жизни страны. Но насколько этот потенциал найдет реализацию и будет

востребован у нас в стране, зависит от особенностей развития социально-экономических институтов Молдовы. В противном случае данный инновационный ресурс может «уйти» из страны, пополнив ряды мигрантов.

Можно согласиться с российским психологом Н.М. Лебедевой в том, что изучение системы ценностей и ее трансформации является одной из важных научных проблем в этнической и кросс-культурной психологии, поскольку именно посредством такого рода исследований можно попытаться найти связь между прошлым и настоящим культуры (Лебедева, 2000, 86), для того чтобы выработать «свои» механизмы инновационного развития общества и улучшить качество жизни людей.

Литература

1. *Кауненко И.И.* Психологические особенности ценностной сферы этнических меньшинств Молдовы // Этносоциологические и этнопсихологические практики: методологические подходы и комментарии. / ред.В. Степанов, И. Кауненко; Кишинев – Комрат, 2010, с.183-207 (а).
2. *Кауненко И.И.* Психологические особенности этнической идентичности в ситуации социальной неопределенности // Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice 2008. № 1, p.40 -50.
3. *Кауненко И.И.* Психологические особенности ценностной сферы молдаван в период социальных изменений // Revista de etnologie și culturologie Chișinău: Elan Inc, 2010, vol.8, p-28-34 (б).
4. *Лебедева Н.М.* Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000, т.21, №3.
5. *Лебедева Н.М.* Ценности и отношение к инновациям студентов России и Китая // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Второй Международной научной конференции 26-27 мая 2010 г. В 2 т. / Отв.ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Универсум, 2010. Т.1.
6. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Культура как фактор общественного прогресса. Москва. ЗАО «Юстицинформ», 2009.
7. *Сушков И.Р.* Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Институт психологии РАН, 2008.
8. *Татарко А.Н., Козлова М.А., Лебедева Н.М.* Психологические исследования социокультурной модернизации. М.: РУДН, 2007.

ЭТНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГРУППЫ РОМОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С конца 70-х годов XX века различными исследователями отмечается возрастание роли этнических факторов как в жизни общества в целом, так и отдельного человека. По мнению А.А. Сусоколова, именно этнос оказывается той «субкультурой» современного общества, которая в наибольшей степени способна, по выражению О. Тоффлера, выполнять функции «информационного фильтра» (Тоффлер, 1973), оптимизирующего потоки информации, обрушивающегося на человека в единицу времени. Понимание этноса как «информационного фильтра» объясняет возрастание роли этничности в жизни общества. Возникновение острой потребности в «информационных фильтрах» объясняет обращение к этническим ценностям. Ориентация на специфические ценности собственного этноса накладывает ограничения на возможное поведение и «отфильтровывает» социально значимые сигналы, ставя в центр внимания информацию, касающуюся собственного этноса и отодвигая на периферию сообщения, являющиеся существенными для других этносов (Сусоколов, 1990).

По убеждению А.В. Сухарева, в современную кризисную эпоху процесс этнической идентификации, как переживание личностью своей принадлежности к тому или иному этническому типу, является болевой точкой и выступает важнейшим смыслообразующим фактором в поведении современного человека. Именно этническая идентичность в современном мире является исторически актуальной «точкой отсчета» поведения человека, принадлежащего к определенному этносу или этнической системе (Сухарев, 2010).

В связи с этим, большое значение в социальной психологии приобретает проблема изучения межэтнического взаимодействия, межэтнического восприятия. Несмотря на то, что в этой области накоплено немалое количество работ (Агеев, 1983, 1990; Гулевич,

2008; Солдатова, 1998, 2006 и др.), остается еще много «белых пятен». Остановимся на наиболее важных аспектах этой темы.

Одной из основных предметных областей социальной психологии является изучение эффектов межгруппового восприятия. Межгрупповое восприятие как взаимное восприятие групп, а не отдельных их членов — как групповое образование, обладает характеристиками, отличающими его от восприятия межличностного. Среди них следует выделить, во-первых, структурные характеристики: 1) согласованность — высокую степень совпадения представлений членов какой-либо группы о ней самой или о чужой группе; 2) унифицированность — высокую степень переноса представлений о группе на ее отдельных членов. Во-вторых, динамическую характеристику — большую устойчивость (ригидность, консервативность) межгрупповых социально-перцептивных процессов по сравнению с процессами межличностными. В-третьих, содержательную характеристику — тесную связь когнитивных и эмоциональных компонентов, большую оценочность, чем при восприятии межличностном (Агеев, 1983).

Интенсивное изучение межгруппового восприятия началось вслед за возникновением двух теорий, созданных для объяснения межгрупповых конфликтов. Первая из них — это теория социальной идентичности (Г. Тешфел, Дж. Тернер), а вторая — теория категоризации (Дж. Тернер, П. Эуокес). К наиболее изученным эффектам межгруппового восприятия относятся межгрупповая дифференциация, двумя аспектами которой являются ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, а также эффекты гомогенности аутгруппы, эффект сверхисключения и «черной овцы».

Поскольку первые исследователи межгрупповых отношений особое внимание уделяли конфликтному взаимодействию между членами разных социальных групп, это привело к тому, что стали выдвигаться и объяснения возникновения межгруппового конфликта, а затем и новые способы его урегулирования. Результатом стало выделение способов оптимизации межгруппового взаимодействия, изучение которых сегодня

проводится по нескольким основным направлениям. Так, в работах О.А. Гулевич (2004, 2008) выделяется три основных направления: гипотеза контакта, изменение стереотипов и когнитивные модели оптимизации межгруппового взаимодействия.

Интересный взгляд на разрешение проблем в процессе межэтнического взаимодействия предлагают российские этнопсихологи О.Е. Хухлаев и М.Ю. Чибисова. Так, М.Ю. Чибисова отмечает, что в практической работе с межэтническими проблемами первым этапом является осознание роли культурного фактора в поведении человека. Здесь очень важно рассмотреть культуру не только как совокупность традиций и обычаев, но как систему неосознаваемых ценностей, детерминирующих поведение человека. Обращение к ценностям, а не к обычаям или личностным характеристикам, позволяет избежать стереотипизирования и сформировать более осознанное отношение к культурным различиям (Чибисова, 2011).

Для снижения этнической предубежденности, которая нередко сопровождает межэтнические отношения, О.Е. Хухлаев предлагает следующую структуру механизмов снижения предубеждений. Первая группа связана с использованием механизма проекции (а точнее, ее «снятия»). Вторая группа — это изменение установок (использование механизмов конформности, когнитивного диссонанса). Третья группа механизмов направлена на изменение социальной идентичности. Первые три группы механизмов направлены непосредственно на «целевой» феномен. Уменьшить «фундамент» для возникновения предубеждений позволяют два других механизма — это снижение авторитаризма (понимаемого как комплекс особенностей личности, привычных паттернов действий и установок) и развитие навыков диалоговой коммуникации (Хухлаев, 2011).

По мнению Г.У. Солдатовой, ведущую роль в интерпретации межэтнического взаимодействия выполняют этнические образы. Межгрупповые отношения определяются в значительной степени скорее «...восприятием действительности, чем самой

действительностью» (Петтигрю, 1972, 142). Солдатова определяет межэтнические установочные образования (стереотипы, предрассудки, предубеждения) как социально-перцептивные феномены этнической идентичности. Межэтнические установочные образования содержат эмоционально-оценочное отношение к различным этническим группам и характеризуют уровень готовности к соответствующим поведенческим реакциям в межэтническом общении. Эти образования могут служить проекцией межэтнических отношений (Солдатова, 1998).

Целью нашего исследования стало изучение этнического образа группы ромов, сформировавшегося у старших школьников другого этнического происхождения. В исследовании участвовала группа школьников старших классов г. Кишинева Республики Молдова - всего 50 человек. При проведении исследования использовались анкета и методики «Диагностический тест отношений» (ДТО) и «Культурно-ценностный дифференциал» (КЦД), разработанные известным российским психологом Г.У. Солдатовой.

Изучение этнических стереотипов на основе названных методик (ДТО и КЦД) – это проекция на межэтнические отношения. В данном случае нас интересует гетеростереотип ромов – как образ другой этнической группы.

Теперь перейдем к анализу этнических стереотипов по отношению к группе ромов. Диагностический тест отношений (ДТО) разрабатывался для изучения эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа. Он широко используется психологами в исследовании межгрупповых отношений. Это оригинальная методика семантического дифференциала (СД). Психосемантические методы, в частности метод семантического дифференциала, обладают рядом важных преимуществ. Они позволяют не только получать содержательное описание стереотипа, но и количественное измерение составляющих образа другого народа.

Создавая эту методику, авторы исходили из того, что дифференциация восприятия этнических групп по шкале «нравится – не нравится», как правило, ведет к тому, что одни и

те же качества, приписываемые своей и другой общности, могут интерпретироваться по-разному. В случае расположения этнических групп на противоположных полюсах данной шкалы, добродетель одной группы («мы – экономны, бережливы») рискует превратиться в порок другой («они – жадны, скупы»). То, что применительно к собственному народу, определяется как «настойчивость», «твердость характера», применительно к «чужаку» может называться «упрямством» (Кцюева, 1986). Исследование этнических стереотипов на основе ДТО – это проекция на межэтнические отношения. С помощью данной методики можно изучить *гетеростереотип* ромов как «образ другой этнической группы, построенный в соответствии с ожиданиями, связанными с этой группой» (Солдатова, 1998, 72).

Методика ДТО позволяет измерить следующие параметры этнических стереотипов: амбивалентность (А), выраженность (S) и направленность (D). Их количественные показатели рассматриваются как эмпирические индикаторы эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа.

Теперь перейдем к рассмотрению показателей этнического стереотипа, полученных при использовании методики ДТО. Первый показатель – это показатель амбивалентности (А), который характеризует степень эмоциональной определенности стереотипа. В нашей выборке он составил 0,748, что говорит о высокой неопределенности стереотипа, его высокой амбивалентности, т.е. наблюдается низкая поляризация оценок противоположных качеств каждой пары, и подростки не дают четкого предпочтения позитивному или негативному полюсу оценки в отношении группы ромов. Как отмечал известный психолог Кэмпбэл (1967), более точно будут стереотипизированы те группы, между которыми происходит большой взаимный обмен. Исходя из наших данных, в частности высокая неопределенность стереотипа, может свидетельствовать о малом взаимном обмене и взаимодействии, малом количестве непосредственных контактов с представителями ромов. Это предположение согласуется с результатами анкетирования, представленными ниже.

Выраженность (S) стереотипа отражает силу стереотипного эффекта и составляет 0,003, что говорит о слабой позитивной направленности, т.е. образ ромов у подростков слабо положительный. Третий показатель - направленность (D) также слабо выражен и составляет 0,002, что свидетельствует о слабой эмоциональной ориентации школьников по отношению к ромам. При этом, несмотря на то, что в целом по выборке обнаружен слабый положительный знак коэффициентов выраженности (S) и направленности (D), у более половины респондентов (56%) наблюдаются отрицательные показатели этих параметров.

Если обратиться к содержательной стороне этнического стереотипа восприятия ромов старшими школьниками, можно выделить следующие качества.

Таблица 1. Средние значения и ранговые номера этнических предпочтений по методике «Диагностический тест отношений».

Качества	Средний балл	Ранг
хитрый	3,56	1
настойчивый	3,52	2
гордый	3,38	3
навязчивый	3,22	4
активный	2,96	5,5
общительный	2,96	5,5
упрямый	2,92	7
темпераментный	2,86	8
вспыльчивый	2,76	9
находчивый	2,42	10
жадный	2,34	11
высокомерный	2,28	12
агрессивный	2,18	13
лицемерный	2,08	14
осторожный	1,78	15
остроумный	1,76	16
ехидный	1,68	17
экономный	1,08	18
аккуратный	1,00	19
дипломатичный	0,94	20
педантичный	0,76	21
трусливый	0,74	22
покладистый	0,58	23
бесхарактерный	0,32	24

Как следует из показателей таблицы, качества, получившие наиболее высокие оценки/баллы образа ромов, рассматриваются как характеристики внешней коммуникативной деятельности оцениваемой группы (ромов). Среди наиболее выраженных характеристик оказались и положительные, и отрицательные качества: «хитрый» (3,56), «настойчивый» (3,52), «гордый» (3,38), «навязчивый» (3,22), «общительный» (2,96), «активный» (2,96), «упрямый» (2,92). По мнению старших школьников, меньше всего ромам присущи такие качества, как «бесхарактерный» (0,32), «покладистый» (0,58), «трусливый» (0,74), «педантичный» (0,76), «дипломатичный» (0,94).

Итак, результаты изучения этнического стереотипа по отношению к ромам показывают, что гетеростерейотип ромов у подростков довольно амбивалентен, противоречив, слабopоложителен и негативные характеристики тесно переплетаются с позитивными. Это свидетельствует о том, что подростки плохо знают группу ромов и, в большинстве, дисстанцированы от них.

Следующая методика, которая использовалась в исследовании, это «Культурно-ценностный дифференциал» (КЦД). С помощью данной методики мы получаем измерения ценностных ориентаций в пределах психологической универсалии «индивидуализм — коллективизм»: ориентации на группу, ориентации на власть, ориентации друг на друга и ориентации на изменения. Изучение культур в диапазоне различных измерений допускает выявление ценностей, специфичных для каждой культуры. Знание установок по восприятию культурной специфики «другого» позволяет прогнозировать групповое поведение в различных ситуациях взаимодействия. В таблице 2 представлены результаты, отражающие выраженность качеств по шкалам Культурно-ценностного дифференциала (КЦД).

Таблица 2. *Выраженность отдельных качеств, полученных по методике «Культурно-ценностных дифференциал» (%)*.

№ п/п	Название качества	Число ответов	Процент ответов	Колеблющиеся
Ориентация на группу – ориентация на себя				
1	Взаимовыручка	35	70,0%	9 (18%)
	Разобщенность	6	12,0%	
2	Верность	47	94,0%	2 (4%)
	Разрушение традиций	1	2,0%	
3	Подчинение	6	12,0%	2 (4%)
	Самостоятельность	42	84,0%	
Ориентация на изменения – сопротивление переменам				
4	Замкнутость	17	34,0%	5 (10%)
	Открытость	28	56,0%	
5	Осторожность	11	22,0%	8 (16%)
	Рискованность	31	62,0%	
6	Устремленность в прошлое	24	48,0%	17 (34%)
	Устремленность в будущее	9	18,0%	
Направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия				
7	Агрессивность	35	70,0%	3 (6%)
	Миролюбие	12	24,0%	
8	Сердечность	27	54,0%	12 (24%)
	Холодность	11	22,0%	
9	Уступчивость	2	4,0%	7 (14%)
	Соперничество	41	82,0%	
Ориентация на власть				
10	Дисциплинированность	7	14,0%	1 (2%)
	Своеволие	42	84,0%	
11	Уважение к власти	3	6,0%	9 (18%)
	Недоверие к власти	38	76,0%	
12	Законопослушность	3	6,0%	4 (8%)
	Анархия	43	86,0%	

Полученные данные позволяют определить наиболее стереотипизированные черты ромов, которые выделяют подростки. Так, подростки воспринимают ромов как высоко ценящих и сохраняющих традиции своего народа (94%), но в то же время как своевольных (84%) и самостоятельных (84%). В наименьшей степени, по мнению подростков, для ромов характерно разрушение традиций, уступчивость, уважение к власти и законопослушность.

При этом представляется, что следует особо выделить те качества, которые у подростков вызвали наибольшую трудность при оценивании. Так, 34% подростков не смогли определиться во мнении, что более характерно для ромов: устремленность в

прошлое или в будущее? А 24% подростков не знают, как определить ромов - как более сердечных, или более холодных. Как психологов нас привлекают данные именно по этим двум шкалам, поскольку установки именно этих подростков, как «маятник», могут качнуться как в одну сторону, так и в другую. И тогда образ ромов может иметь тенденцию восприниматься или как более негативный или более позитивный.

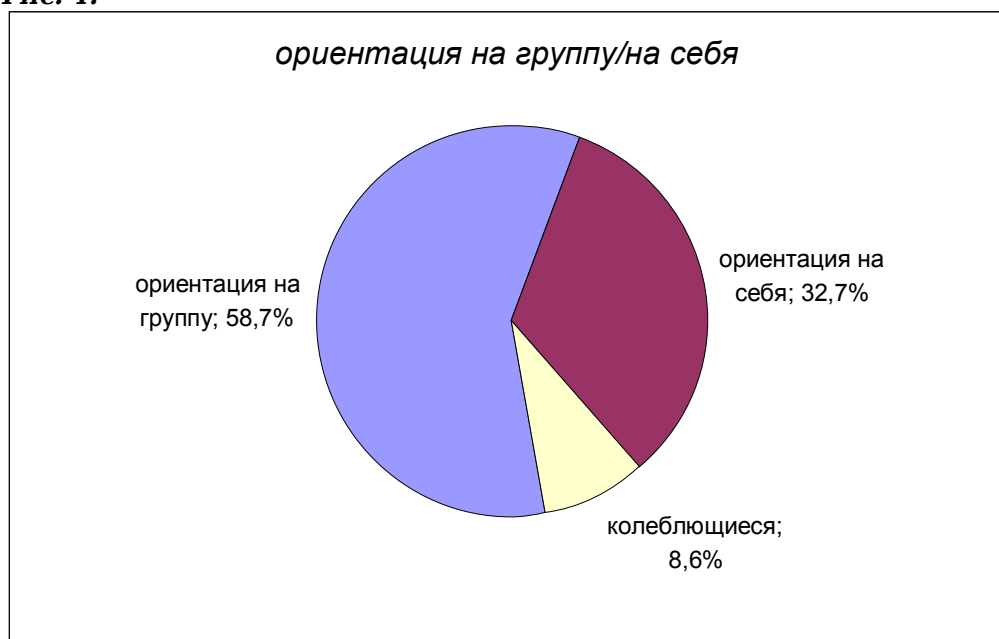
Оценивая результаты по шкале «ориентация на себя — ориентация на группу», можно сказать, что подростки считают ромов ориентированными на группу. Так, наиболее стереотипным для них оказалось качество «верность традициям». В то же время, наряду с высокой выраженностью качеств «верность традициям» (94%) и «взаимовыручка» (70%), высоко оценивается самостоятельность, находящаяся на противоположном полюсе (ориентация на себя). Таким образом, можно сказать, что коллективистскую направленность сочли характерной для ромов более половины подростков. Ромы всегда могут рассчитывать на внутригрупповую поддержку и помощь.

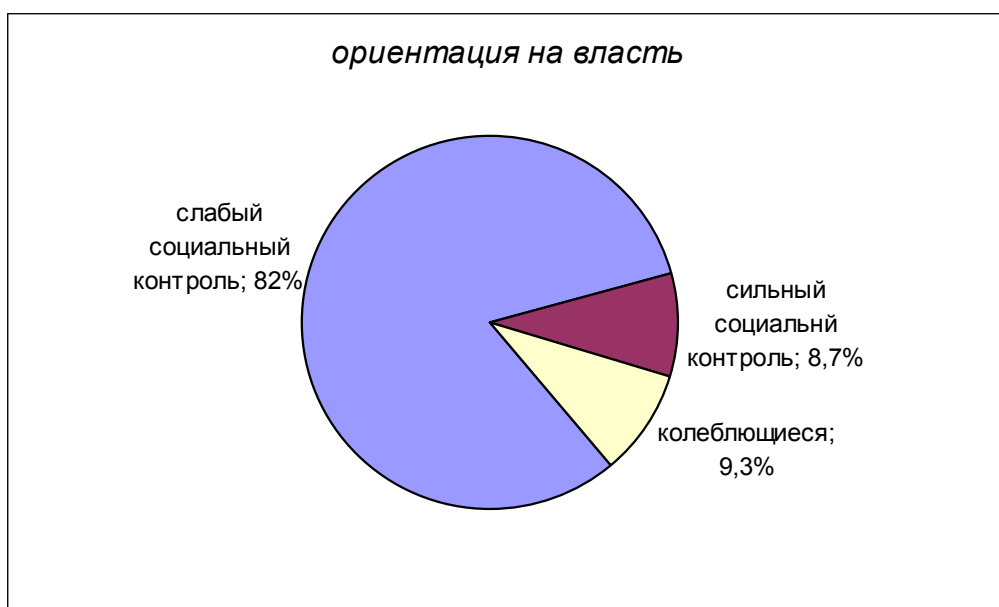
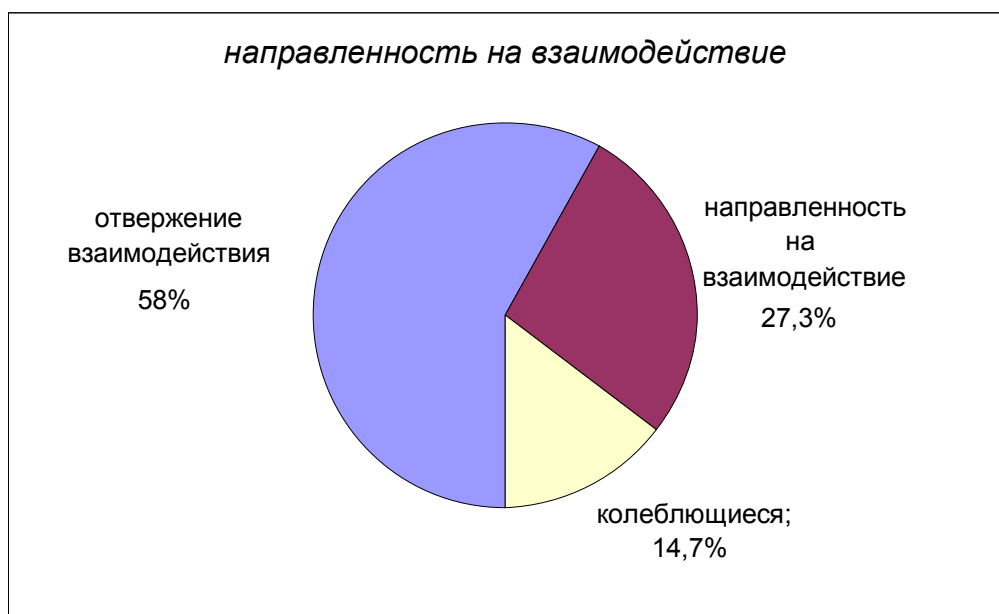
Рассмотрим результаты, полученные по шкале «сопротивление переменам — открытость переменам». Около половины подростков считают ромов открытыми и рискованными, а у 18,% старших школьников устремленность в будущее входит в число низко стереотипных характеристик. Важно отметить, что именно при оценке этой сферы жизненной активности мы наблюдаем наибольшее число «не определившихся» выборов, что составляет 34%.

Особенно интересен анализ шкалы «ориентация друг на друга», так как в ней сравниваются такие параметры, как толерантность (миролюбие — агрессивность), эмоциональность (сердечность — холодность) и мотивация достижения (уступчивость — соперничество). Результаты по этой шкале дают возможность увидеть, как подростки оценивают ромов в сфере межличностных отношений. Так, если ромы открыты переменам, то по данным этой шкалы они в большей степени демонстрируют закрытость для взаимодействия (58,7%). Движение к полюсу «отвержение взаимодействия» определяется

подростками за счет приписывания ромам таких качеств, как «агрессивность» (70%) и «соперничество» (82%), препятствующих взаимодействию и взаимопониманию. Иное отношение у респондентов к категории «сердечность». Более половины старших школьников считают ромов сердечными. Таким образом, школьники полагают, что ромы вносят меньший вклад в налаживание и развитие нормальных отношений, а проблемы и конфликты возникают из-за нежелания ромов идти на компромисс, при этом ромы сохраняют дистанцию в межличностных отношениях.

Рис. 1.

Ориентация на власть изучалась в диапазоне «сильный социальный контроль — слабый социальный контроль» по параметрам подчинения запретительным и регулирующим стандартам общества (дисциплинированность — своеволие, законопослушность — анархия), значимость авторитета (уважение власти — недоверие власти). По шкале ориентация на власть были получены следующие результаты. По ответам подростков в структуре ценностных ориентаций ромы показывают слабую зависимость от социального контроля и

социальных авторитетов (82%). Подростки отмечали у ромов выраженность таких качеств, как своеволие (84%), анархия (86%), недоверие к власти (76%). Такое восприятие подростками отношения ромов к власти фактически отражается и в свободных ассоциациях. Так, в свободных описаниях респонденты упоминали «барона», «не хотят подчиняться законам», «свободолюбивый народ, который не приемлет каких-либо правил и устоев», «цыгане живут по собственным законам». Однако подростки довольно часто упоминали о воровстве, обмане, мошенничестве среди ромов, что не вписывается в образ «законопослушного гражданина».

Итак, в представлениях о ромах у подростков выявлена в большей мере ориентация на группу, отвержение взаимодействия и слабый социальный контроль.

Помимо стандартизированных методик в исследовании была использована анкета. Ответы на вопросы анкеты позволили получить информацию о том, какой опыт общения имеют подростки с ромами, на основе чего они составили свое мнение о ромах и как относятся к данной этнической группе.

Характеризуя свой опыт общения с ромами, 24% респондентов ответили, что имеют только негативный, отрицательный опыт; еще 24% подростков среди ромов встречали как образованных и трудолюбивых людей, так нечестных и хитрых. Почти половина подростков (44%) вообще не имеют опыта общения с ромами. И только 4% имеют исключительно положительный опыт общения. Затруднились ответить 4%.

Если проанализировать ответы подростков на вопрос «Как вы относитесь к представителям группы ромов?», можно увидеть, что больше половины подростков дали ответ «недоверчиво, с подозрением» (52%). Это свидетельствует о том, что в ситуации межличностного контакта будет сохраняться дистанция, и возможна тактика избегания межличностного взаимодействия. Основой для формирования положительных межличностных и межгрупповых отношений является чувство безопасности, исходя из этого видно, что для данной категории респондентов эта потребность находится под угрозой. «Нейтрально» к ромам

относятся 30%. Это зона неопределенности, поскольку возрастает фактор непосредственной этнокультурной ситуации, а также определенную роль играют экономические, политические и социальные причины. «С интересом и любопытством» относятся 8%, что говорит о положительной установке к межэтническому контакту и высоком уровне аттракции (межличностной симпатии, притяжении). Наименьшее количество выборов составили ответы «игнорирую» (6%), «сочувствую» (2%) и «презираю» (2%).

Особую роль в готовности к взаимодействию играет наличие непосредственных и опосредованных контактов. Непосредственный личный контакт с романами имели только 34% опрошенных, 8% респондентов имеют друзей, родственников или знакомых среди ромов. Остальные подростки составили свое представление о романах на основе «внешней» информации. Это - «рассказы друзей, родственников, знакомых» (64%); «кинофильмы, художественная литература, искусство и т.п.» (54%), «сообщения в СМИ» (26%). В наши дни на межгрупповые отношения оказывает влияние информация, распространяемая СМИ и создающая, своего рода, "вторую реальность" в субъективном мире человека. В связи с этим возникает вопрос о том, каково содержание этой информации, как она влияет на формирование образа ромов.

Таким образом, результаты анкетирования показывают, что наибольший вклад в формирование представлений о романах вносят «внешние», опосредованные контакты, а не непосредственный личный опыт общения и взаимодействия. Как отмечает В.С. Агеев, представления о «других» могут возникать, развиваться и изменяться и без какого бы то ни было непосредственного взаимодействия с группой. ...На уровне больших социальных общностей роль непосредственного межгруппового взаимодействия в этих процессах опосредования может быть сравнительно невелика, а иногда и совсем незначительна. В этом случае в качестве опосредующих факторов выступает не непосредственное взаимодействие между группами, а более широкая сеть социальных условий и в самом широком

смысле — общественно-историческая деятельность данных общностей» (Агеев, 1983,73).

Итоги эмпирического социально-психологического исследования образа группы ромов в восприятии старшими школьниками, на примере Республики Молдова, позволяют сформулировать следующие выводы.

Содержание стереотипного образа относительно ромов состоит как из позитивных, так и негативных оценок и включает в себя такие характерные черты: «хитрый», «настойчивый», «гордый», «навязчивый», «общительный», «активный».

Отношение к ромам характеризуется большой неопределенностью, слабой позитивной направленностью и слабой выраженностью.

Ромы в глазах старшеклассников не склонны доверять властным структурам. Причина подобного отношения к власти, видимо, кроется в том, что ромы в своей повседневной жизни в большей степени ориентируются на «свои внутренние законы и правила».

Как показали исследования Л. Сосниной, у ромов выявлена незначительная связь представлений о справедливости с политико-правовой сферой; «государственность» ромов ограничивается рамками семьи, рода (Соснина, 2005). С другой стороны, в континууме культурного измерения «коллективизм — индивидуализм» ромы, по мнению старшеклассников, ближе к полюсу «коллективизм».

Старшеклассники занижают выраженность у ромов качеств, направленных на взаимодействие. Приписывание ромам готовности к «отвержению взаимодействия» чревато возникновением конфликтов и разногласий в процессе взаимодействия, преградой для налаживания нормальных взаимоотношений и говорит о наличии большой социальной дистанции.

Литература

1. *Агеев В.С.* Психология межгрупповых отношений. М., 1983.
2. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
3. *Гулевич О. А.* Психология межгрупповых отношений. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2008.
4. *Гулевич О. А.* Способы оптимизации межгруппового взаимодействия: направления и результаты исследований // Вопросы психологии, 2004, №6, с. 103-118.
5. *Кцоева Г.У.* Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал, 1986. Т.7. №2.
6. *Петтигрю Т.Ф.* Расовые отношения в США // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972, с. 314-330.
7. *Солдатова, Г.У.* Психология межэтнической напряженности. Москва: Смысл, 1998.
8. *Солдатова Г. У.* Психологические механизмы ксенофобии // Психологический журнал, М., 2006, с.5-17.
9. *Сусоколов А.А.* Структурные факторы самоорганизации этноса// Расы и народы. М., 1990, вып.20, с. 5-40.
10. *Сухарев А.В.* Принцип исторической актуальности как основание этнофункциональной парадигмы в исторической психологии // Теоретические Проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Второй Международной конференции 26-27 мая 2010». В.2 ч. / отв.ред. В.В.Гриценко. – Смоленск: Изд-во «Универсум», 2010. Т.1, с. 274-279.
11. *Тоффлер О.* *Футуршок.* М., 1973.
12. *Хухлаев О.Е.* Социально-психологический подход к разработке способов снижения предубежденности (этноцентризма) // Миры культур и Культуры мира. Сборник материалов третьей Всероссийской научно-практической конференции «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и пути развития». М.: МГППУ, 2011, с. 119.
13. *Чибисова М.Ю.* Стратегии взаимодействия психолога с педагогом в полиэтнической образовательной среде // Миры культур и Культуры мира. Сборник материалов третьей Всероссийской научно-практической конференции «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и пути развития». М.: МГППУ, 2011, с. 120-121.

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ГАГАУЗИИ.

Трудовая миграция, особенно интенсивно развивающаяся в последние десятилетия, вызывает интерес как ученых, так и специалистов практических сфер деятельности.

Международная миграция рабочей силы, в силу ее динамичности и включенности представителей разных возрастных групп, все более начинает оказывать влияние на социо-культурные процессы: семейные отношения, профессиональные, этноидентификационные и др.

Каждому человеку собственная культура задает когнитивную матрицу для понимания «картины мира», при этом естественным для него будет считать свою культуру стандартом. Сегодняшнее время отличается интенсификацией межкультурных контактов — учеба, стажировки за рубежом, деловое сотрудничество, трудовая миграция, что не может не затрагивать процессы этнокультурной идентификации личности.

Постсоветское пространство характеризуется высоким темпом социально-экономических изменений, который влечет за собой повышенный уровень социальной неопределенности. Как отмечает известный российский психолог Г.М. Андреева, «в таких условиях «темп» категоризации отстает от темпа объективных изменений, происходящих в обществе, и неизбежно приобретает характер лишь «грубой настойки». Впоследствии это требует дополнительной когнитивной работы человека для уточнения положения в мире не только окружающих его объектов, но и самого себя» (Андреева, 2009, 113).

Все это приводит к трансформации социальной (этнической) идентичности. Поэтому изучение этнической идентичности как составной части социальной идентичности является одной из актуальных проблем специалистов из разных областей —

социальной психологии, психологии управления, политологии, демографии, этносоциологии, др.

Т.Г. Стефаненко определяет этническую идентичность как «часть социальной идентичности, а именно: представление человека о себе как члене определенной этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству» (Стефаненко, 2000, 20).

Н.М. Лебедева, анализируя концепцию социальной идентичности Г. Тэдшфела, отмечает, что индивиду свойственно оценивать этническую группу, к которой он себя причисляет, позитивно (Лебедева, 1999, 20). Такая позитивная оценка своей этнической группы является «естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим на индивидуальном уровне необходимое личностное самоуважение, а на групповом уровне - сохранение этнической культуры и передачу ее последующим поколениям» (Лебедева 1999, 20). И этот позитивный когнитивный уклон в пользу своей группы, получивший название ингруппового фаворитизма, свойственен молодым гагаузам и болгарам.

По результатам исследований молдавских психологов И. Кауненко и Л. Гашпер было установлено, что молодежь — гагаузы и болгары - позитивно оценивают свою этническую группу. Маркерами, поддерживающими линию культурной границы гагаузов и болгар, являются язык, традиционная культура, сфера родственных и социальных связей, а также субъективная значимость этнической идентичности и категориальная этническая солидарность, и некоторое дистанцирование от титульного этноса. Границы гагаузской и болгарской культуры является проницаемыми, что оптимизирует процесс социально-психологической адаптации.

Названные авторы в своих исследованиях этнических меньшинств и титульного этноса Молдовы подчеркивают, что «проблема кризиса идентичности как личностной, так и социальной, является одной из самых значимых для людей, так как связана с поиском смысла жизни» (Кауненко, 2009, 26). Так, И. Кауненко, изучая трансформацию идентичности трудовых

мигрантов в ситуации вынужденной миграции, отмечает, что кризис идентичности затрагивает все основные составляющие структуры идентичности и проявляется как на личностном, так и на групповом уровне (Кауненко, 2010).

Содержание и формы групповой жизнедеятельности в конечном итоге продиктованы палитрой общественных потребностей и возможностей. Социальный подтекст определяет материальные и организационные предпосылки образования группы, задает цели, средства и условия групповой активности, а во многом и состав реализующих ее индивидов (Стефаненко, 2000).

В связи с «омоложением» трудовой миграции можно констатировать недостаточную изученность ее влияния на идентификационные процессы. Работы многих авторов посвящены социокультурным и психологическим особенностям трудовых мигрантов, отношению к ним со стороны принимающего населения (Гриценко, 2002; Мошняга, 2006; Остапенко, Субботина, 2007; Гриценко, Молчанова, Смотровая, 2008). В то же время малоизученной остается проблема *опосредованного влияния* трудовой миграции на этноидентификационные процессы.

Влиянию трудовой миграции на этническую идентичность взрослых трудовых мигрантов Молдовы посвящены исследования этнопсихолога И. Кауненко (И. Кауненко, 2010, 25-29). В ее исследованиях трудовых мигрантов гагаузов было выявлено, что в сравнении с резидентами, у гагаузов - мигрантов более выражена этническая идентичность. Видимо, у них срабатывают защитные механизмы по сохранению своей идентичности. Исследовательница отмечает, что у разных этнических групп будет *своя стратегия* сохранения этнической идентичности. Данная проблема требует своего отдельного изучения в связи с тем, что трудовая миграция молдавских граждан продолжает «молодеть». По официальным данным, более 300 тыс. молодых людей вовлечено в трудовую миграцию, а по неофициальным — 600 тыс. (Мошняга, 2006).

Российский социолог И.А. Субботина, исследующая трудовую миграцию молдавского населения в течение

продолжительного периода, считает, что активное вовлечение молодежи в миграционный процесс может привести к нежелательным последствиям как для Молдовы в целом, так и для самих трудовых мигрантов. Ею был сделан среднесрочный и долгосрочный прогноз об изменении характера трудовой миграции гагаузского населения Молдовы. Она полагает, что трудовая миграция этнических гагаузов может стать безвозвратной. В пользу этого свидетельствуют:

- все возрастающей уровень потенциальной миграции, том числе, женского населения;
- характерные для образованной гагаузской молодежи миграционные настроения;
- ориентации на временный или безвозвратный отъезд из Молдовы.

И.А. Субботина пишет, что в 1989-90-м годах настроенных на временную трудовую миграцию было в 2,5 раза меньше, а эмиграционные настроения были характерны только для одного из 33 гагаузов. По результатам социологических исследований, проведенных в Гагаузии этим автором в 2006 году, треть опрошенных молодых гагаузов в возрасте 16-29 лет была нацелена на временную трудовую миграцию за пределы Молдовы. Что касается образовательного уровня потенциальных трудовых мигрантов, то здесь просматривается следующая закономерность: самыми активно нацеленными на этот вид миграции являются люди со средним специальным и высшим образованием (56% и 46%) (Субботина, 2007, 148). И.А. Субботина считает, что подобные факты заставляют еще серьезнее взглянуть на феномен гастарбайтерства и возможность дальнейшей безвозвратной миграции гагаузов как усиливающих дисперсность их расселения, разрушающих институт брака и семьи, этнокультурные традиции народа, угрожающих целостности и самому существованию этой этнической общности. «Многолетние трудовые миграции гагаузов постепенно перерастают в окончательную миграцию» (Субботина, 2007, 151).

Нами было проведено эмпирическое исследование по проблеме влияния трудовой миграции на этническую

идентичность молодежи. В предлагаемой статье мы изложим результаты исследования установок молодежи на включение в трудовую миграцию, особенностей этноаффилиативных мотивов, представлений о стабильности социального окружения, чувств, испытываемых ими к своей этнической группе.

В ходе исследования был применен следующий *методический инструментарий*: изучение аффилиативных тенденций проводилось с помощью методики "Этническая аффилиация" (Солдатова Г.У., Рыжова С.В.). Показателями *валентности этнической идентичности* являются чувства, связанные с этничностью, которые изучались с помощью методической разработки Т.Г. Стефаненко «Этнические чувства». Для изучения *восприятия* юношами *социальной ситуации* был применен опросник "Методика изучения восприятия подростками стабильности мира" этого же автора (Стефаненко, 1999). Также использовалась авторская анкета, составленная для изучения установки включения в трудовую миграцию.

В исследовании приняли участие гагаузы и болгары в возрасте 18 - 25 лет. Социальный статус – студенты. Было обработано 326 анкет.

Мы предположили, что трудовая миграция будет оказывать влияние на структуру и содержание этнической идентичности в зависимости от уровня идентификация со своей группой и отношения к трудовой миграции (готовности включиться в нее).

Базовым определением трудовой миграции для нас явилось понимание ее как продажи мигрантом своей рабочей силы в стране въезда, при которой смена жительства не является обязательной. Этническая идентичность понималась нами как результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов, переживания отношения Я и этнической среды – своего тождества с одной или несколькими общностями и отделения от других (Стефаненко, 1999).

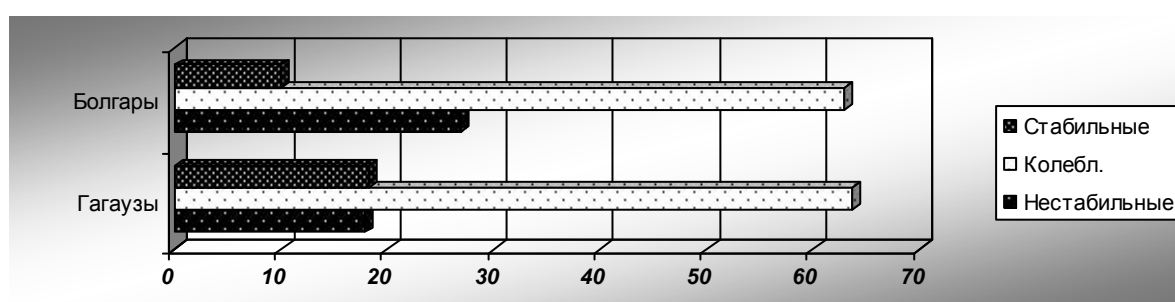
Эмпирические данные, полученные в результате анкетирования, показали:

- 62,27% молодежи намерены включиться в процесс трудовой миграции;
- 19,63% молодежи не собираются уезжать на заработки;
- не определились – 18,1%.

Таким образом, приведенные цифры говорят о выраженной тенденции в молодежной среде Гагаузии на включение в трудовую миграцию. Такая направленность наблюдается как у гагаузской молодежи (60,7%) так и у болгарской (65,98%). На наш взгляд, группа «неопределившихся» – это тоже в ближайшей перспективе возможные трудовые мигранты. Основанием для этого предположения служат результаты интервью, проводившихся с группой «неопределившихся». Количество «колеблющихся» не столь значимо в обеих этнических группах (у гагаузов -6,47%; у болгар - 10,94%).

Данные по оценке восприятия социальной ситуации молодежью Гагаузии позволили выделить три группы респондентов: «стабильные» (те, кто воспринимает социальную ситуацию как стабильную, предсказуемую), «нестабильные» и «колеблющиеся» (которые воспринимают ситуацию иногда как стабильную, а иногда как нестабильную) (Рис.1).

Рис. 1. Восприятие социальной ситуации (гагаузы, болгары).

Социальную ситуацию воспринимают как стабильную 18,3% гагаузов и 10% болгар. Выявлено большое количество «колеблющихся» респондентов - 63,8% гагаузов; 63% болгар. Восприятие ситуации как нестабильной выявлено у 17,9% гагаузов и 27% болгар. Аналогичное исследование по восприятию молодежью Гагаузии социальной ситуации было проведено в 2007

году, в уже упомянутом исследовании И. Кауненко и Л. Гашпер. Исследователями отмечалось, что воспринимают социальную ситуацию как стабильную - 12,5% гагаузских студентов и 26% болгарских студентов. Также было зафиксировано превалирование числа «колеблющихся» (60% гагаузов и 52% болгар) (Кауненко, Гашпер, 2007).

Мы провели сравнительный анализ взаимосвязи позитивной установки на включение молодежи в трудовую миграцию и восприятия стабильности мира (Таб.1)

Таблица №1. Установка на включение молодежи в трудовую миграцию и восприятие стабильности мира (в %).

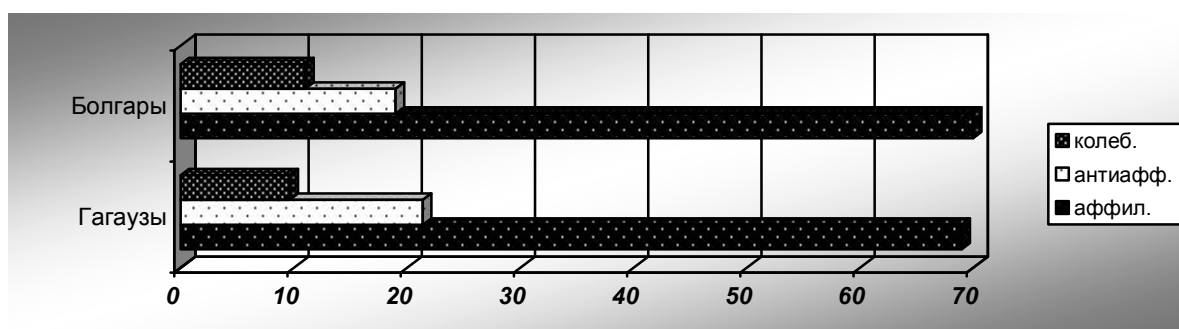
№	Этнические группы	Уедут			Не уедут			Не определились		
		Не стабил ьные	Стабильн ые	Колебл ющиес я	Не стабильн ые	Стабил ьные	Колебл ющиес я	Не стабильн ые	Стабил ьные	Колебл ющиес я
1	Гагаузы	20,3%	15,9%	63,0%	15,2%	28,3%	56,5%	13,6%	15,9%	70,5%
2	Болгары	28,1%	10,95%	60,9%	23,8%	14,3%	61,9%	26,7%	0,0%	73,3%

Как можно видеть из приведенных эмпирических данных, преимущественно нацелены на включение в трудовую миграцию те молодые люди, которые воспринимают мир как нестабильный, и, наоборот, процент стабильно воспринимающих мир выше среди тех, кто не намерен уезжать на заработки. Процент «колеблющихся» в восприятии социальной ситуации выше у тех, кто не определился с отъездом.

Таким образом, восприятие молодежью социальной ситуации как нестабильной является значимым фактором включения в трудовую миграцию, формирования миграционных установок молодежи.

Для изучения *этноаффилиативных тенденций* (потребности в этнической принадлежности) гагаузской и болгарской молодежи мы использовали методическую разработку «Этническая аффилиация» (Солдатова, 1998).

Рис.2. Аффiliationные тенденции гагаузской и болгарской молодежи.

Результаты показывают, что у большинства респондентов - у болгар (71,8%) и гагаузов (71,9) - выражены этноаффiliationные мотивы (Рис. 2).

Это означает, что эти молодые люди имеют выраженную идентификацию со своей этнической группой, воспринимают себя как часть группы, а группу как продолжение самого себя. Такая привязанность к группе является естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим на индивидуальном уровне необходимое личности самоуважение, сохранение этнической культуры, передачу ее последующим поколениям.

Антиаффiliationные тенденции, стремление к индивидуализации наблюдаются у небольшой части респондентов – у гагаузов 21,4% и у болгар 19%. Именно эта группа, демонстрирующая антиаффiliationные тенденции, не склонна следовать правилам, нормам и целям своей этнической группы, и в большей степени, на наш взгляд, способна адаптироваться к инокультурной среде. Меньше всего представлена группа «колеблющихся», в нее вошли 9,6 % гагаузов и 11% болгар.

Среди факторов, определяющих значительную степень выраженности этноаффiliationных тенденций у исследуемых групп, можно выделить следующие:

- у гагаузов: интенсивные процессы национально-культурного и этнического возрождения в условиях Гагаузии (Гагауз Ери) – административно-территориального образования с особым правовым статусом (Закон № 344-ХІІІ от 23.12.94), созданным в целях удовлетворения национальных потребностей и

сохранения самобытности гагаузов, их наиболее полного и всестороннего развития, обогащения языка и национальной культуры, обеспечения политической и экономической самостоятельности;

- у болгар: возможность сохранения и развития национально-культурной самобытности в условиях компактного проживания в Тараклийском районе, принятие указа президента и постановления правительства Молдовы о развитии национальной культуры болгарского населения, интенсивное развитие национально-культурных общественных организаций как стимуляторов этнической идентичности, интенсификация связей с Болгарией как с исторической родиной, создание Тараклийского университета как образовательного, научного и культурного центра.

Нами было установлено, что этноаффилиативные мотивы преобладают у представителей обеих этнических групп, независимо от наличия установки на включение в трудовую миграцию.

Степень привязанности к своей этнической группе молодежи Гагаузии определялась не только на основе изучения аффилиативных тенденций, но и с помощью изучения аффективного компонента этнической идентичности – «лакмусовой бумажки» этнической идентичности. Изучая чувства молодых гагаузов и болгар к своей этнической группе, мы определяли, насколько их этническая идентичность обладает «качеством ценности, субъективной значимости, имеет личностный смысл» (Касьянова, 1994, 78). Для изучения этнических чувств была использована методическая разработка Т.Г. Стефаненко. «Этнические чувства». Респондентов просили ответить на вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своему народу?» - и предлагали варианты ответов: гордость, превосходство, спокойная уверенность, обида, стыд, вина, униженность, другое.

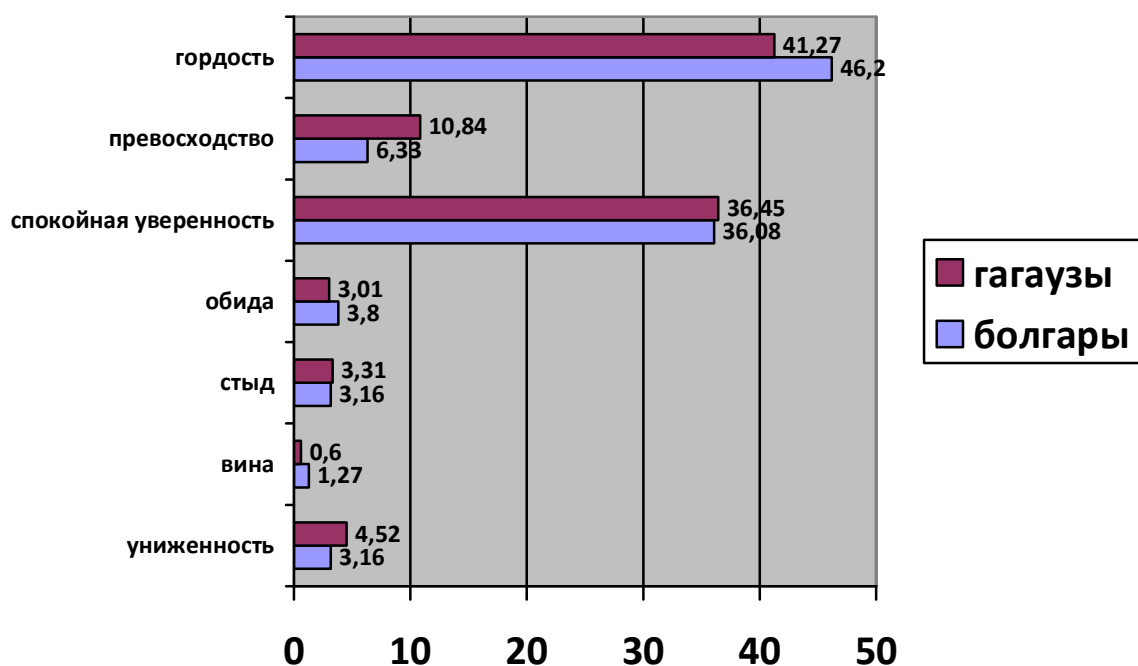
При исследовании аффективного компонента этнической идентичности нами сопоставлялись:

- чувства, испытываемые к своим этническим группам гагаузами и болгарами;
- конкретные чувства, испытываемые к своей этнической группе гагаузами с различными установками на включение в трудовую миграцию: тех, кто намерен уехать на заработки, тех, кто не намерен уехать и «колеблющихся»;
- чувства, испытываемые к своей этнической группе представителями обоих полов с различными установками на включение в трудовую миграцию.

Результаты сопоставления выборов разнонаправленных этнических чувств (позитивных и негативных) у исследуемых гагаузов и болгар позволили нам сделать вывод о том, что у обеих этнических групп сильно доминирует количество выборов позитивных этнических чувств над выбором негативных этнических чувств. Такие этноцентрические тенденции у гагаузов и болгар объясняются нами «естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим на индивидуальном уровне необходимое личностное самоуважение, а на групповом уровне – сохранение этнической культуры и передачу ее последующим поколениям» (Лебедева, 1999, 20). Длительный опыт совместного мирного проживания оказал влияние на тождественное отношение гагаузов и болгар к своим этническим группам.

В качестве наиболее значимых этнических чувств респонденты обеих этнических групп выделяют чувства «гордости» и «спокойной уверенности». В тройке доминирующих чувств к своей этнической группе отмечается чувство «превосходства», но оно выражено в значительно меньшей мере, нежели «гордость» и «спокойная уверенность». Следующими в ранге чувств у гагаузов и болгар следуют такие отрицательные чувства как «обида», «стыд», «вина», «униженность». Здесь также не фиксируются существенные разногласия позиций у молодежи обеих этнических групп. Выборы этнических чувств молодыми гагаузами и болгарками представлены на Рис. 3.

Рис.3. Соотношение выборов чувств у гагаузов и болгар

Доля таких отрицательных чувств как страх, вина и стыд, испытываемых к своим этническим группам в сравнении с позитивными чувствами, у обеих этнических групп незначительна.

Результаты наших исследований соотносятся с результатами исследования, проведенного молдавским этнопсихологом И. Кауненко в 2009г. Изучая этническую идентичность трудовых мигрантов гагаузов в возрасте 25-55 лет, она провела сравнительный анализ чувств, испытываемых к своей этнической группе реальными трудовыми мигрантами и резидентами (людьми, постоянно работающими в Молдове). Было выявлено, что респонденты обеих групп в преобладающем большинстве испытывают к своей группе «гордость» и «спокойную уверенность». У взрослых мигрантов появляются выборы чувства «превосходства», увеличиваются выборы чувства «обиды». Данное явление исследовательница объясняет необходимостью и особенностями адаптации трудовых мигрантов к новой социокультурной среде и служит им психологической защитой.

Анализ чувств, испытываемых молодыми гагаузами к своей этнической группе, осуществлен нами также с учетом их установки на включение в трудовую миграцию. Анализ эмоционального отношения к группе, степень привязанности к

своей этнической группе у гагаузской молодежи ослабевает по мере принятия ею решения о включении в трудовую миграцию. Повышается критичность к своей этнической группе, и, как следствие, уменьшается доля испытываемых ими позитивных к ней чувств. Доля чувства «превосходства» увеличивается у молодых людей с установкой на включение в трудовую миграцию, они в большей мере начинают испытывать «обиду», «стыд», «вину», «униженность» в отношении своей этнической группы.

Ранжирование этнических чувств гагаузских девушек и юношей выявило высокий уровень тождественности в содержании аффективного компонента их этнической идентичности. Девушки в равной мере с юношами выражают намерение включиться в трудовую миграцию. И доля испытываемых юношами и девушками позитивных и негативных чувств к своей этнической группе, в зависимости от установки на включение в трудовую миграцию, не особо разнится.

Итак, изучение влияния установки на включение в трудовую миграцию на аффективный компонент этнической идентичности выявило следующие психологические особенности:

- частотный анализ этнических чувств гагаузской и болгарской молодежи выявил превалирование позитивных чувств к своей этнической группе над негативными чувствами. Соотношение позитивных и негативных этнических чувств у гагаузской и болгарской молодежи в числовом эквиваленте разнится совсем незначительно. У обеих этнических групп превалируют такие этнические чувства, как «гордость», «спокойная уверенность», «превосходство». Незначительно выражены такие этнические чувства, как «стыд», «вина», «обида», «униженность» по отношению к своей этнической группе;
- по мере принятия решения молодыми гагаузами о включении в трудовую миграцию, уменьшается доля испытываемых ими позитивных чувств к своей

этнической группе, повышается критичность и возрастает доля негативных чувств;

- ранжирование и сопоставление этнических чувств гагаузских юношей и девушек выявило высокий уровень их тождественности. И у девушек, и у юношей, независимо от установки о включении в трудовую миграцию, позитивные этнические чувства преобладают над негативными чувствами.

Выводы:

1. Уровень идентификации со своей этнической группой, особенности содержания, структуры этнической идентичности взаимосвязаны с установкой и отношением к процессу трудовой миграции.
2. Преимущественно нацелены на включение в миграцию те молодые люди, которые воспринимают мир как нестабильный, и наоборот, процент стабильно воспринимающих мир выше среди тех, кто не намерен уехать на заработки. Процент «колеблющихся» в восприятии стабильности мира выше у тех, кто не определился с отъездом. Таким образом, восприятие молодежью социальной ситуации и времени, в котором они живут, как нестабильного, является значимым выталкивающим в трудовую миграцию фактором, определяющим формирование миграционных установок молодежи и влияющим на принятие решения о включении в трудовую миграцию.
3. Этноаффилиативные тенденции преобладают у представителей обеих этнических групп независимо от наличия установки на включение в трудовую миграцию. Неким потенциалом может явиться группа «колеблющихся», у которой одинаково выражено стремление к групповой принадлежности и к индивидуализации. Но количество «колеблющихся» не столь значимо у обеих этнических групп. Большая степень выраженности этноаффилиативных

тенденций у гагаузской и болгарской молодежи является следствием этнического возрождения гагаузского и болгарского этносов в период политической и экономической нестабильности в стране, приобретения гагаузами административно-территориального образования, а болгарскими — задатков культурной автономии в условиях административно-территориальной единицы, на территории которой компактно проживает большинство болгарского населения Молдовы.

4. Анализ эмоционально отношения к группе выявил, что респонденты обеих групп (в большинстве) испытывают к своей этнической группе «гордость» и «спокойную уверенность». В меньшей мере — «превосходство», «униженность», «стыд», «вину». Позитивные чувства к своим этническим группам доминируют над негативными и неопределенными чувствами. Степень привязанности к своей этнической группе ослабевает у молодежи по мере принятия решения о включении в трудовую миграцию. Повышается критичность к своей этнической группе, уменьшается доля испытываемых гагаузами и болгарскими положительными чувствами по отношению к своей этнической группе. Все это является свидетельством того, что установка на включение в трудовую миграцию оказывает влияние на идентификационный процесс.

Таким образом, на этническую идентичность оказывает влияние установка на включение в трудовую миграцию. У молодежи с позитивной установкой на включение в трудовую миграцию этническая идентичность менее актуализирована, и наоборот: степень привязанности к своей этнической группе ослабевает по мере формирования установки на включение в трудовую миграцию, по мере принятия решения о включении в миграционный процесс. И в целом, процесс трудовой миграции оказывает влияние на идентификационные процессы этнической идентичности в зависимости от уровня идентификации со своей группой и отношения к трудовой миграции. С нашей точки зрения, такой процесс идет латентно и проявляет себя в полной

мере после окончания учебного заведения, когда приходится вступать во взрослую жизнь.

Литература:

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект, 2000.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. /Отв.ред. Краснова. НОУ ВПО МПСИ, М., 2009.
3. *Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья в Россию (Дис. на соиск. степени доктора псих.наук) М., 2002.
4. *Гриценко В.В., Молчанова Н.В., Смотров Т.Н.,* Семьи трудовых мигрантов: социально-психологическая проблема трансформаций супружеских и детско-родительских отношений //Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Международной научной конференции 29-30 мая 2008. В 2т. /Отв.ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Универсум, 2008. Т.1. с.160-164.
5. *Кауненко И., Гашпер Л.* Социально-психологический аспект проблемы этнического становления подростков и юношей. Кишинэу, 2007.
6. *Кауненко И.И.* Влияние трудовой миграции на процессы этнического самоопределения в Молдове // Revista de etnologie și culturologie vol. VII, 2010 с. 25-29.
7. *Касьянова К.* Национальный характер и социальный архетип. М, 1994.
8. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Издательский Дом «Ключ» 1999, с. 20.
9. *Мошняга В.* Влияние трудовой миграции на население Республики Молдова. МОМ, 2006
10. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Сторожилы и мигранты: вместе или рядом? / отв.ред. М.Ю. Мартынова. – М.: РУДН, 2007.
11. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М. Смысл, 1998.
12. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М: Институт психологии РАН. Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000, с. 210.
13. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности /Дисс...докт.психол.наук.М.,1999.
14. *Субботина И.А.* Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. /отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2007.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ

*Путь в Систему начинается с освоения
символики сообщества и способов их интерпретации.*

Щепанская Т.Б.

В настоящее время глобальных культурных и миграционных процессов, когда смещаются привычные границы, особое значение приобретают границы социальные, помогающие индивидам и группам сохранить идентичность. Поддержание общего этнокультурного пространства достигается, в том числе, посредством общего символического поля. Символы — уникальное явление человеческой культуры, и в своей более узкой этнокультурной сфере представляют собой зачастую единственный ресурс, позволяющий поддерживать этничность без строгой привязки к объективным признакам (например, территории). В контексте глобализации и, как следствие, «этнического пробуждения» символы приобретают значение «оплота» этнической и культурной идентичности. Таким образом, символы являются актуальной и важной темой исследования, причем в особенной мере в обществах, столкнувшихся с явлением социальных трансформаций и культурного многообразия. По этой причине особую роль символы и связанные с ними мифы играют в национальной идеологии, что получило освещение в специальной литературе.

1. Роль символов и мифов в национальной идеологии

Роль этнической истории и связанных с нею мифов и символов в рамках изучения такого феномена как национализм является достаточно популярной темой исследования в самых различных областях науки, поскольку остается актуальной, благодаря этнополитическим процессам, происходящим во всем мире. Национализм следует понимать в позитивном смысле,

который придается ему всей зарубежной историографией — он напрямую связан с этничностью, разница между понятиями заключается в привязке к государству. Если предположить, что нацию от этноса отличает именно политический фактор государственности, то национальное самосознание будет подразумевать наряду с эмоциональными компонентами осознание принадлежности к ней, представление о ее исторических корнях и целостности, формирование «национальной идеи», интересов, т.е. рациональные компоненты (Сикевич, 1999, 101).

В современной литературе традиционно выделяются следующие основные подходы к этничности: примордиализм, инструментализм (ситуационизм) и конструктивизм. Последние два подхода можно объединить в противопоставление первому по следующему критерию: взгляд на этничность как на объективную детерминанту, либо как на социальный конструкт. Примордиалисты выступают за связь этнической группы с культурой, за объективные основания этничности (культура, язык, историческая память, ценности и нормы, религия, национальный характер). В рамках инструментализма / ситуационизма этничность рассматривается как инструмент удовлетворения требований этнической группы на данный момент, т.е. пробуждается по необходимости. Конструктивизм, в свою очередь, делает акцент на сознательной деятельности людей и изучает отдельные фрагменты этносоциальной жизни. В современных полиэтничных государствах большую роль стали играть группы этнических меньшинств. В связи с этим главной особенностью зарубежной антропологии является изучение этничности на материале полиэтничных урбанизированных обществ, в которых присутствуют меньшинственные этнические группы, проживающие, как правило, не на своей этнической территории. Нации при этом рассматриваются как «воображаемые» понятия (Anderson, 1991); этничность в таких обществах - одна из групповых идентичностей, мобилизующих группу на общие действия, и зачастую выступает в качестве политического средства для достижения определенных целей.

Этничность признается не как определенное антрополого-социальное качество, сопряженное с этносом, а как реальность, обнаруживаемая в форме «групповой – возникшей в процессе приписывания себе и другим определенных черт – идентичности, характер которой не определяется «вещественными» культурными признаками, но в которой, однако, представление о различных широких общностях способствует формированию рамок для коллективных действий» (Заринов, 2002, 10). Осознается она лишь на уровне противопоставления «мы - они».

Известный исследователь наций и национализма Э. Смит в своей обзорной работе отмечает возрождение этнического национализма в последние десятилетия (Смит, 2004, 13). Сам автор при этом подчеркивает культурную и «этно-символическую» природу этничности и национализма и выделяет такое отдельное исследовательское направление как этносимволизм. *Этносимволизм* стремится открыть символическое наследие этнических идентичностей для отдельных наций и показать, как нации заново открывают и истолковывают символы, мифы, воспоминания, ценности и традиции своих этно-историй, когда они сталкиваются с проблемами современности (Смит, 2004, 406). Норвежский антрополог Ф. Барт, которому принадлежит концепция этнических границ, также акцентирует особое внимание на роли символов и мифов в поддержании этнических границ (Смит, 2004, 28).

Таким образом, символ и миф становятся одной из центральных исследовательских тем для историков и политологов, а также этнологов или культурных антропологов, занимающихся проблемами этничности и национализма.

В своей книге, посвященной подробному анализу исторического мифа в Закавказье, В.А. Шнирельман приводит ряд цитат из трудов историков и антропологов о ведущей роли истории в построении этнической / национальной идентичности:

- «история является процессом отбора, ведущего к отбраковке и утрате некоторых событий, тогда как другие

сохраняются и превращаются в символы идентичности» (Шнирельман, 2003, 16);

- «антропологов должно интересовать не столько культурное разнообразие само по себе, сколько то политическое значение, которое придается культурным различиям в конкретных политических контекстах и взаимоотношениях. Люди склонны воздвигать культурные перегородки и культивировать культурную обособленность там, где наблюдаются отношения господства-подчинения и конфликт» (Шнирельман, 2003, 26).

Автор отмечает, что исторические представления, сформировавшиеся в результате такого отбора фактов и образовавшие «коллективную память», играют важную роль в националистической мобилизации (Шнирельман, 2003, 504). Интересно также наблюдение автора об источниках национальной символики (на примерах государств, образовавшихся в результате суверенизации). Государственная символика, праздники, списки героев и врагов нации берут свое начало не только из этнической культуры и истории, но и из этноисторического мифа, в котором «отражается представление народа или, что правильнее, его элиты о его месте в мире и о тех ценностях, которые он разделяет и которыми руководствуется в своей жизнедеятельности» (Шнирельман, 1999, 133).

Исследовательница националистической идеологии Н.С. Мухаметшина также подчеркивает основополагающую роль этнических ценностей, символов и мифов в создании идеологии, отражающей интересы нации-этноса или нации-государства (Мухаметшина). Автор пишет, что этнический национализм, «обращаясь к этническим символам, мифам, активно включая их в современную систему ценностей, имеет возможность более активно воздействовать на аффективные состояния людей».

Следовательно, подвижность этнических границ и влияние элит на формирование национальной идеологии определяют важность изучения роли и содержания этнокультурных символов на конкретной территории и в конкретный исторический период. Символ напрямую связан с образом своей и чужой группы, а также с образом страны в целом. Он участвует в процессе

категоризации, позволяя посредством образов выстраивать межгрупповые отношения, которые, в свою очередь, образуют социальную реальность.

Символ является достаточно сложным феноменом, которому существует множество определений. Рассмотрим далее основные подходы к его изучению и его характеристике, важной для нашего контекста.

2. Символ как феномен культуры

Понятие символа не обошло ни одну научную область, включая точные науки. Именно символ, возможность мыслить посредством символа, отличает человека от животного, поскольку сам язык относится к символическим системам. Э. Кассирер поместил его наряду с мифом и феноменологией познания в ряд базовых символических форм (Махлина, 2009, 265). А К. Леви-Стросс назвал культуру совокупностью символических систем (язык, искусство, наука, религия и т.п.). Человек живет не только в физической реальности, но и в символической вселенной. Символ — это уникальное человеческое средство производства, накопления и передачи своего опыта.

Благодаря сложности феномена символического существует множество определений символа, а также множество работ, посвященных его анализу в историографическом ракурсе.

Сам термин появился в Древней Греции (*symbolon* — знак, опознавательная примета, акт узнавания) и изначально обозначал какой-либо предмет, разделенный на части двумя людьми для возможности узнать друг друга спустя время. Таким образом, символ — это не сам предмет, а условный объект, при помощи которого человек обозначает что-либо, устанавливает связь между объектами.

Начиная с античности, разрабатывается множество концепций символа. Основная нить размышлений авторов — сущность символа как соотношение идеи, которую он несет и ее воплощения в объекте или образе, т.е. взаимосвязь означающего и означаемого. В концепции В. Соловьева символ — это знак,

имеющий бесконечное количество значений, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа, причем это уже нечто новое, неделимое на идею и образ, а феномен, включающий и форму, и содержание (Махлина, 2009, 569). А. Белый заключает философское содержание символа в единстве означающего и означаемого, возводя его на вершину познания (Махлина, 2009, 570).

Особое значение, а следовательно, и высокую степень изученности, символ получил в такой области науки, оперирующей знаками, как семиотика. Во избежание путаницы следует разграничить *знак от символа*, поскольку понятия пересекаются в значении. Словарь по семиотике культуры дает следующее определение знака: «знак — материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нем» (Махлина, 2009, 137). Знак обладает такими особенными чертами, как: имеет значение; информирует не о себе, а о чем-то находящемся за пределами знака; употребляется для хранения и передачи информации; функционирует в знаковой ситуации, то есть при наличии воспринимающего человека (или другой организованной системы); значение знака единично и устойчиво; границы знака ясно очерчены; его форма может сильно изменяться в широких пределах, но она должна позволить опознать знак; форма частично или целиком произвольна по отношению к денотату. В концепции Ч. Пирса знаки делятся на три вида: изображения (иконические — наглядные образы), признаки (индексы, индикаторы - эмоции), условные (символы — понятия, идеи) (Махлина, 2009, 140). Также в классификации И.И. Докучаева, культуролога, символ относится к немотивированным знакам в отличие от мотивированных (знаки-изображения и знаки-признаки) (Махлина, 2009, 122). Именно этим свойством символа он объясняет его распространенность в литературе, как, впрочем, и в любом другом виде искусства. Таким образом, символ, с одной стороны,

является типом знака, а с другой, - выходит за его рамки, принимая форму метамоделей, метафоры (Махлина, 2009, 571).

А.Ф. Лосев в своей книге, посвященной символам, выделяет девять его особенностей, которые есть смысл привести полностью:

1) Символ вещи действительно есть ее смысл. Однако это такой смысл, который ее конструирует и модельно порождает. Это порождение есть только проникновение в глубинную и закономерную основу самих же вещей, представленную в чувственном отражении, только весьма смутно, неопределенно и хаотично.

2) Символ вещи есть ее обобщение. Однако это обобщение не мертвое, не пустое, не абстрактное и не бесплодное, но такое, которое позволяет, а вернее, даже повелевает вернуться к обобщаемым вещам, внося в них смысловую закономерность. Другими словами, та общность, которая имеется в символе, *implicite* уже содержит в себе все символизируемое, хотя бы оно и было бесконечно.

3) Символ вещи есть ее закон, но такой закон, который смысловым образом порождает вещи, оставляя нетронутой всю их эмпирическую конкретность.

4) Символ вещи есть закономерная упорядоченность вещи, однако данная в виде общего принципа смыслового конструирования, в виде порождающей ее модели.

5) Символ вещи есть ее внутренне-внешнее выражение, но — оформленное, согласно общему принципу ее конструирования.

6) Символ вещи есть ее структура, но не уединенная или изолированная, а заряженная конечным или бесконечным рядом соответствующих единичных проявлений этой структуры.

7) Символ вещи есть ее знак, однако не мертвый и неподвижный, а рождающий собою многочисленные, а может быть, и бесчисленные закономерные и единичные структуры, обозначенные им в общем виде как отвлеченно-данная идейная образность.

8) Символ вещи есть ее знак, не имеющий ничего общего с непосредственным содержанием тех единичностей, которые тут обозначаются, но эти различные и противостоящие друг другу обозначенные единичности определены здесь тем общим конструктивным принципом, который превращает их в единораздельную цельность, определенным образом направленную.

9) Символ вещи есть тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности, но это символическое тождество есть единораздельная цельность, определенная тем или другим единым принципом, его порождающим и превращающим его в конечный или бесконечный ряд различных закономерно получаемых единичностей, которые и сливаются в общее тождество породившего их принципа или модели как в некий общий для них предел (Лосев, 1995, 29).

Автор четко отделяет символ от знака, а также от метафоры или аллегии. Его следует также отделять от других форм знака (эмблема, атрибут, аллегория, метафора, аналогия, параболa). Символ шире знака за счет множественности значений. Н. Рубцов писал по данному поводу, что к знаку тяготеет низшая форма символа (связь между символом и символизируемым имеет оттенок условности), а высшая форма тяготеет к образу и есть выражение высшей незнаковой сущности (Махлина, 2009, 572). Также и Л.Ф. Чертов подчеркивал, что смысл символа не сводится к значению сигналов и знаков какого-то одного информационного уровня, потому что он возникает как продукт синтеза значений, построенных на разных уровнях (Махлина, 2009, 574). Если значение знака денотативно (денотат — обозначаемый предмет), то значение символа — коннотативно (имеет вторичное значение, многослойно). Символ больше, чем просто значение, он уводит в область размышлений и интерпретации. С этим связано значение символов в жизни больших обществ, поскольку интерпретация предполагает возможность воздействовать на эмоции, поведение людей,

создание условий для манипулирования посредством использования символического поля.

Французские составители популярного словаря символов (Chevalier, Gheerbrant, 2009) во вступительной статье обращаются в основном к авторам из области психоанализа, чтобы объяснить удивительные особенности символов и их неоспоримую роль в человеческом обществе. В психоанализе символ трактуется как проявление бессознательного, а человек и культура занимают пассивную позицию в данном процессе. По их мнению, символы являются источником мифов и архетипов, которые все вместе составляют воображаемое как человеческий феномен. Например, Ж. Лакан полагал, что символическое описывает порядок явлений, структурированных как язык, с которым работает психоанализ (Chevalier, Gheerbrant, 2009, 29). Автор «структурного психоанализа» поместил в классическую фрейдовскую схему вместо «Оно – Я - Сверх-Я» «Реальное - Воображаемое (источник субъективного иллюзорного синтезирования) -Символическое (совокупность объективных механизмов языка и культуры)» (Махлина, 2009, 319) и полагал, что бессознательное структурировано, как язык. З. Фрейд считал, что символизм – это способ представления конфликтов и неосознанных желаний. К.Г. Юнг, в свою очередь, писал, что «...символическим является такое слово или образ, значение которого выходит за рамки прямого и не поддается точному определению или объяснению. Когда разум пытается объять некий символ, то неизбежно приходит к идеям, лежащим за пределами логики. Явлений, выходящих за пределы человеческого понимания, в мире не счесть. Мы постоянно прибегаем к символической терминологии для обозначения понятий, определение или точное понимание которых нам не подвластно. Вот почему все религии используют язык символов как словесного, так и зрительного ряда. Однако подобное сознательное применение символов является лишь одним аспектом психологического феномена большой важности: человек также сам вырабатывает символы - бессознательно и спонтанно - в форме сновидений» (Юнг, 1997). По мнению К.Г. Юнга, введенному в науку понятие архетипа, символ как образ архетипа позволяет

ему из области бессознательного претвориться в нечто материальное. Таким образом, толкование символов в рамках психоанализа составляет важное звено в исследовании символического, однако не может сводиться лишь к нему.

Обратимся к культурологии. Видный культуролог и ведущий специалист в семиотике культуры Ю.М. Лотман большое значение уделил символам. По его мнению, символ представляет собой законченный текст, поэтому всегда сохраняет смысловую и структурную самостоятельность. Важная особенность символа заключается в том, что он никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры - он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения (Лотман, 1992, 192). Данная характеристика приобретает особое значение, когда мы говорим о культурных или этнонациональных символах. Как пишет автор, «...единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» (Лотман, 1992, 192); и что не менее важно «...именно "простые" символы образуют символическое ядро культуры, и именно насыщенность ими позволяет судить о символизирующей или десимволизирующей ориентации культуры в целом» (Лотман, 1992, 193). Последнее замечание особенно важно при характеристике идеологии и фактического социально-культурного состояния того или иного общества.

М.Ю. Лотман также проводит разграничение между символом и другими знаковыми элементами. По его мнению, символ отличается от конвенционального знака наличием иконического элемента, определенным подобием между планами выражения и содержания. При этом, «отличие между иконическими знаками и символами может быть проиллюстрировано антитезой иконы и картины. В картине трехмерная реальность представлена двухмерным изображением. Однако неполная проективность плана выражения на план содержания скрывается иллюзионистским эффектом:

воспринимающему стремятся внушить веру в полное подобие. В иконе (и символе вообще) непроективность плана выражения на план содержания входит в природу коммуникативного функционирования знака. Содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание. В этом отношении можно говорить о слиянии иконы с индексом: выражение указывает на содержание в такой же мере, в какой изображает его. Отсюда известная конвенциональность символического знака» (Лотман, 1992, 199).

Обобщая рассуждения, автор приводит нас к выводу о том, что символ играет роль семиотического конденсатора, поскольку является посредником между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. Структура культурных символов сходна по форме и функциям генетической памяти индивида (Лотман, 1992, 199).

Интересен анализ Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского соответствий между типом сознания (мифологическое и научное или моно- и полилингвистическое) и ролью символа в соответствующих текстах. Так, мифологический текст в категориях немифологического сознания воспринимается как символический, хотя для мифологического сознания смысл может быть прямым. По данному поводу стоит привести рассуждения чешского исследователя Франтишека Вреля о том, что в западной семиотической традиции символ и отражаемая им реальность рассматриваются как две различные единицы. Но согласно данным современной этнологии, символ подвержен изменениям в культурах, т.е. разрыв между символом и объектом не обязательно является естественным. Во многих неевропейских культурах символ — это неотделимая часть объекта (Vrhel, 1998, 6-7). Ж. Деррида в свое время оспорил основополагающий принцип европейского сознания — центрацию, т.е. привилегированное положение одного из членов в оппозиции. Оппозитивное различие, по его мнению, должно уступить идее различения, инаковости (Махлина, 2009, 110), равноправию позиций сторон. В культурной антропологии эти идеи нашли выход в принципе культурного релятивизма. Вернувшись к идеям

Ю.М. Лотмана, в данном контексте, важно различать символ как тип знака, непосредственно порождаемый мифологическим сознанием, и символ как тип знака, который только предполагает мифологическую ситуацию (Лотман, Успенский, 1973, 294). Таким образом, символ оказывается в тесной зависимости от контекста. В связи с этим, авторы делают следующий вывод относительно эволюции человеческой культуры от начального мифопоэтического периода к логико-научному: «С момента возникновения культуры система совмещения в ней противоположно организованных семиотических структур (многоканальности общественных коммуникаций), видимо, является непреложным законом...Речь может идти лишь о доминировании определенных культурных моделей» (Лотман, Успенский, 1973, 302). Приведенные в начале настоящей статьи выдержки из исследований националистических идеологий в современный период подтверждают совмещение логического и мифологического типов мышлений в определенных ситуациях. Миф и связанные с ним символы были и остаются важными факторами социальных и политических процессов. Р. Барт, в частности, подчеркивал, что миф это далеко не пережиток архаического сознания, а огромная часть современной культуры (Барт, 1994).

В области культурной антропологии существует свой подход к рассмотрению символа. Отправной точкой здесь является положение о символе как феномене культуры. Многие ученые видели в символе универсальный механизм организации опыта. Так, автор теории символических форм Э. Кассирер считал, что символ — это форма, в которой находит свое выражение всякое проявление духа, априорная логическая структура, накладываемая на чувственное многообразие (Тен, 2008, 4), придавая ему значение некой первичной матрицы человеческого мозга. С. Лангер, в свою очередь, видел в символе структуру организации хаотичной данности опыта как синтетического упорядочения чувственных данных. К. Леви-Стросс, пытаясь открыть первичные формы человеческого мышления, пришел к выводу о некоторой схожести между природными, социальными и

ментально-символическими структурами. Поэтому символ способен вызвать соответствующие представления и переживания в той или иной символической системе. В. Тэрнер, анализируя взаимосвязи между символом и ритуалом, выделил тройственность смысла символа: явный, который осознается исполнителями ритуала, латентный, находящийся на грани сознания, и скрытый или бессознательный (Тэрнер, 1983, 16).

Символ как важнейший элемент коммуникации нашел место в работах таких авторов, как М. Мосс и Э.Дюркгейм. По мнению Э.Дюркгейма, символ – это посредник, выражающий коллективные представления. М. Мосс видел в символе общие знаки, которые обеспечивают общение между людьми (Дешарне, Нефонтен, 2007, 145). Интерес представляют исследования Ж. Дюрана. Исходя из того, что символ – это реальное означающее, через которое просвечивает означаемое, он приходит к выводу, что символическая функция - функция человеческого разума, родившаяся из невозможности остановиться и удовлетвориться «прямым смыслом» вещей (Дешарне, Нефонтен, 2007, 150). В.Н. Топоров, исследователь мифологии, относит символическое наряду с мифологическим и архетипическим к высшему классу «универсальных модусов бытия и знания», заполняющим некую первоматрицу, т.е. пространство и его заполнение (Топоров, 1995, 5). Символ, с позиции носителя культуры, представляет собой репрезентацию, опредмечивание культурно значимых смыслов и ценностей и в этом качестве является выражением бытийных, сакральных смыслов, определяя собой сферу эстетического и нравственного (Фадеева, 2003, 57). Многие авторы отмечают его принадлежность к двум уровням: с одной стороны, он является частью сознания (отражает реальность или деятельность самого сознания), с другой, он воссоздается из текстов, как знак и как его интерпретация (Фадеева, 2003, 81). Таким образом, символ состоит из двух элементов: внешнего знака (форма) и содержательного значения (идея).

Типология символов представляет некоторую сложность по причине многогранности самого феномена, а также критериям выделения типов. А.Ф. Лосев, например, выделяет следующие

виды символов: научные, философские, художественные, мифологические, религиозные, социально-природные, человечески-выразительные, идеологические и технические символы. Данная типология используется многими авторами вслед за ее составителем. Э. Сепир, лингвист и этнограф, разделил символы на два типа – референциальные и конденсационные. Первый тип он назвал экономным и указал в качестве примера телеграф. Второй тип – это «чрезвычайно сжатая (condensed) форма заместительного поведения для прямого выражения чего-либо, которая позволяет полностью снять эмоциональное напряжение в сознательной или бессознательной форме» (Сепир, 1993, 205). Отличаются эти два типа, таким образом, тем, что референциальный символизм относится больше к формальным механизмам сознания, а конденсационный – к сфере бессознательного. Важно отметить, что этнические и политические символы относятся ко второму типу и, следовательно, имеют прямой выход на глубинные слои сознания людей и высокий эмоциональный заряд.

Особенность символов, имеющая ведущее значение в коммуникации, - это их разделяемость членами коллектива. Для достижения эффекта воздействия, понимания, пробуждения эмоций символ должен соответствовать символическому в сознании каждого индивида. Это качество особенно важно для больших коллективов, к которым относятся нации, этносы, государства.

Подытожив вышеизложенные точки зрения на природу символа, можно сказать, что он представляет собой воплощение смысла предмета. Символизация является уникальным человеческим явлением, с помощью которого устанавливается связь между сознанием и бессознательным. Символ многозначен и эмоционально насыщен, поскольку отсылает к значимым моментам прошлого. Символы групп (в частности этнических), в отличие от символов общечеловеческих, апеллируют к истории группы, к пространству, на котором происходили ее формирование и важнейшие события этнической истории, и выполняют функцию идентификации с группой. Таким образом,

символы становятся важной составной частью межгрупповых отношений.

3. Этнические и государственные символы

Этнические символы являются важным ресурсом инкультурации подрастающего поколения, психологического комфорта членов этноса, идентификации членов общности, а также в случае построения государственности — базой для создания государственной символики. Поскольку этничность является одной из древнейших коллективных идентичностей и продолжает играть важнейшую роль в социально-политической жизни современных обществ и в историческом процессе, этнические символы являются особой темой исследования для этнологов, политологов, историков и т.д. Как упоминалось выше, в первом параграфе, этнические символы играют роль маркеров для обозначения этнических границ и общего культурного поля.

Этническая символика — совокупность символов, выражающих специфику социокультурного бытия этнической общности и имеющих определенные традиции в изображении и интерпретации (Тен, 2008b, 50). Для того, чтобы быть прочитанным и понятым, символ должен быть адекватен, разделяем членами общности. Символ понятен только в том случае, когда люди используют тот же смысловой код, что и его создатели. Лишь тогда он способен воздействовать как на разум, так и на эмоции членов общности.

Этнические символы берут свое начало в традиционной культуре и этнической истории. Они могут относиться к сферам ценностей, религии, обычаев, коммуникации, бытовых особенностей и т.п. Символическая система культуры — это совокупность символов, в которых воплощаются представления, нормы и ценности, основополагающие для культуротворчества социальной общности в определенный исторический период (Тен, 2008b, 125). Выработанные символы становятся частью восприятия, направленного на понимание и толкование реальности. Следует еще раз подчеркнуть, что историческая и

культурная обусловленность этнических символов, их роль в восприятии реальности, делает их мощным ресурсом этнической мобилизации, что может иметь как позитивные, так и негативные последствия. В данном контексте интерес представляет анализ этнических ценностей и символов Л.М. Дробижевой: «Ценности и символы являются конструктами разного уровня – глубинной, личностной и актуализированной, идеологической значимости» (Ценности и символы, 1994, 11). Ценности могут носить общечеловеческий характер, но значимость они приобретают в этническом контексте. А этнический контекст зачастую идеологизирован. Поэтому автор предлагает выделять следующие системы ценностей для изучения культур:

- задаваемые официальной идеологией;
- альтернативные идеологические ценности, выдвигаемые оппозиционными группами интеллигенции;
- ценности, регулирующие реальное поведение людей (Ценности и символы, 1994, 13).

Можно предположить, что и символы играют разную роль в зависимости от степени идеологизированности общества. Так, некоторые исследователи считают, что выбор этнических символов с целью маркирования этнических границ обусловлен не только культурой, но и конкретной ситуацией и степенью выраженности этнического самосознания группы (Dubovicku, 1998, 16).

Определенной разновидностью этнических символов можно считать символы национальные, если понимать под нацией форму развития этноса в рамках государства. В случае понимания под нацией согражданства, будем говорить о государственных символах. Национальная символика отражает память и духовное наследие нации. Как правило, она отражает эпоху и подвержена изменениям вместе со сменой государственной организации и политического строя. Если нарушаются условия соответствия символов реальности, символическая система теряет хождение, доверие, и происходит поиск альтернативы развития или «символьная революция» (Mănăscuță, 2003, 126). Как отметил исследователь политических символов Д.А. Мисюров, операции с

символами в социально-политической сфере приводят к созданию сообществ с новыми заданными качествами (Мисюров, 2009, 125). По этой причине современные исследования ситуации в России выявляют бреши в символических полях населения, особенно молодежи. Мифологическая картина мира, которая господствовала в советский период, сменилась хаосом 90-х годов прошлого столетия, и в настоящий момент молодежь практически полностью дезориентирована в плане наполнения образа своей страны конкретным содержанием (Евгеньева, 2008, 168).

Национальные символы, таким образом, связывают политические реалии и этническую систему символов.

Контекстуальная зависимость этнических символов получает особое значение при создании символов государственных, призванных интегрировать гражданское население в единое целое. Основные функции государственных символов - идентификационно-интегративная, информационно-коммуникативная, социализация (Тен, 2008а, 32).

Государственные символы являются средством интеграции различных социальных, этнических групп, законодательно закрепленной системой, для стабильного функционирования всей системы культурной символики (Тен, 2008а, 38). Будучи знаками общих воспоминаний членов сообщества, которые помогают стабилизировать единую для данного социума историческую память, через которую происходит восприятие его коллективной идентичности, данная группа символов должна: нести ценности, которые разделяются всем сообществом (избегать символов отдельных групп), нести положительную коннотацию, обладать мощным потенциалом мобилизации (Зверев, 2008, 88-89). Некоторые исследователи сводят государственные символы к знакам, поскольку «в строгом смысле государственный символ — группа эмблем, которые определяют идентичность современного государства: гражданские символы (все население), этнические (титульный этнос), государственные (правительство), военные (армия)» (*Simbolurile naționale*, 2010, 25). Тем не менее, тот факт, что государственная символика опирается

на страницы прошлого, позволяет ей сохранять свою многозначность и потенциал воздействия.

Ю.С. Тен также выразила эту мысль, изучив особенности символов Южного Федерального Округа Российской Федерации. Автор считает, что государство обязано вести поиск символов, способных быть трансляторами ценностей сотрудничества (Тен, 2008а, 32), поскольку республики, входящие в состав Российской Федерации, при выборе символов обратились к архаике в поиске своего культурного архетипа, чтобы подчеркнуть свою самобытность. Проанализировав особенности символических систем разных периодов российской истории, автор пришла к выводу, что смена культурной эпохи приводила к ломке символической системы, при этом значение символов предшествующей эпохи сужалось, и на передний план выходила внешняя сторона символов, а внутренний пласт содержания уходил на второй план (Тен, 2008а, 36).

Тесная связь национальных символов и политики приводит к необходимости рассмотреть также политические символы. Ученые отмечают сильные эмоции, которые способна вызывать в людях политика: «Политика для большинства из нас — проходящий парад абстрактных символов, причем, согласно нашему опыту, она может быть благой или недоброжелательной силой, близкой к всемогуществу. Поскольку политика дает богатство, отнимает жизнь, заключает и освобождает людей, а также представляет собой историю, связанную с сильными эмоциональными и идеологическими ассоциациями, происходящее в ней легко становится объектами личных чувств, сильных переживаний и надежд» (Edelman, Murray, 1985, 5). Мобилизующая сила политических символов состоит в том, что они относятся к конденсационным, т.е. имеют прямой выход на бессознательные слои. Они представляют собой связь между общественной и политической культурой, мощный инструмент человеческого общения, передающий закодированные системы ценностей, идеологическое влияние с целью изменения концептов о мире (Mănăscuță, 2003, 125).

Резюмируя изложенное, можно сказать, что:

- символы (этнические, национальные и государственные) являются мощным ресурсом мобилизации населения, поскольку воздействуют как на рациональном, так и (причем в большей степени) бессознательном уровне, что делает их важным инструментом в политике и идеологии;
- символы выходят как на значение, так и на интерпретацию, что ставит их в зависимость от конкретной ситуации;
- миф и связанные с ним символы были и остаются важными факторами социальных и политических процессов;
- разделяемость — ключевое качество государственных символов;
- выбор символов в качестве маркеров границ обусловлен ситуацией и степенью идеологизированности общества.

Литература:

1. *Anderson B.* Imagined communities. Relations on the origin and spread of nationalism. New-York: Verso, 1991.
2. *Chevalier J., Gheerbrant A.* Dicționar de simboluri: mituri, vise, obiceiuri, gesturi, forme, figuri, culori, numere. Iași, 2009.
3. *Dubovicky Ivan.* Symbol on the boundary of ethnic groups / Cultural symbols and ethnic consciousness. Ed. by Jan Pargac. Prague, 1998, p. 16-32.
4. *Edelman, Murray.* The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1985.
5. *Mănăscuță Cezar.* Simbolurile politice — modalități de identificare națională (studiu politogico-istoric). Teza de doctor on științe politice. Ch. 2003.
6. Simbolurile naționale ale RM. Red. *Dr. S. Andrieș-Tabac.* Ch, 2010.
7. *Vrhel Frantisek.* Symbol: a transcultural view / Cultural symbols and ethnic consciousness. Ed. by Jan Pargac. Prague, 1998, p. 5-15.
8. *Барт Р.* Миф сегодня / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1994. <http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt>
9. *Дешарне Б., Нефонтен Л.* Символ. М: Астрель, 2007.
10. *Евгеньева Т.В.* Символы национально-государственной идентичности в сознании современной российской молодежи. / Образы государств, наций и лидеров. Под ред. Шестопаля Е.Б. М: Аспект-пресс, 2008, с.167-174.

11. *Заринов И.Ю.* Социум — этнос — этничность — нация — национализм. В: Этнографическое обозрение, 2002, №1, с. 3-28.
12. *Зверев А.Л.* Государственный символизм в образе современной России. / Образы государств, наций и лидеров. Под ред. Шестопаля Е.Б. М: Аспект-пресс, 2008, с. 87-99.
13. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. — 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995.
14. *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры. Избранные статьи. Т.1. Таллинн, 1992. С. 191-199.
15. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф-имя-культура. / Труды по знаковым системам VI. Тарту, 1973, с. 282-303.
16. *Махлина С.* Словарь по семиотике культуры. СПб: Искусство СПб, 2009.
17. *Мисюров Д.А.* символическое моделирование в России: трансформации «имперско-советско-президентской» модели / Полис. №3, 2009, с.125-135.
18. *Мухаметшина Н.С.* Основные элементы националистической идеологии // Вестник Самарского университета, 2004, №1
19. http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/SGU/Vestnik_HumN/2004-01/hum0401_05.pdf
20. Образы государств, наций и лидеров. Под ред. Шестопаля Е.Б. М: Аспект-пресс, 2008, с.87-99.
21. *Сепир Э.* Избр. труды по языкознанию и культурологии. М, 1993.
22. *Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. Учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург: издательство Михайлова В.А., 1999.
23. *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М: Праксис, 2004.
24. *Тен Ю.П.* Символ в межкультурной коммуникации. Авт.д.филос.наук. Ростов-на-Дону, 2008.
25. *Тен Ю.П.* Символы России и зарубежных государств. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
26. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М: Прогресс, 1995.
27. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М: Наука, 1983.
28. *Фадеева И.Е.* Символ в системе культуры: теория и феноменология. СПб: изд-во РГПУ им. Герцена, 2003.
29. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. Под ред. Дробижевой Л. А. М: РАН институт этнологии и антропологии, 1994.
30. *Шнирельман В.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика / Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. 1999, с.118-147.

31. *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М: ИКЦ Академкнига, 2003.
32. *Юнг К.Г.* Человек и его символы. М, 1997.
<http://www.jungland.ru/Library/ChellSimvol.htm#1>

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Молдова на протяжении всей своей истории являлась зоной межкультурных контактов. Ее столица представляет интерес в качестве среды совместного проживания представителей многих этнических групп. Для изучения этнических процессов в полиэтнической городской среде на примере Кишинева особое значение имеет определение признаков, на основании которых происходит этническая идентификация, в том числе младших школьников, а также каким образом формируются их этнические представления. Особенности процесса формирования этнической идентичности и ее проявление в социальной действительности можно рассматривать как одну из актуальных проблем поликультурного общества.

В поликультурном обществе, в котором заключается большое количество смешанных браков, процесс этнической идентификации может быть неоднозначен. Осознанный выбор этнической принадлежности будет зависеть от совокупности многих факторов помимо этнической принадлежности родителей. Такими факторами могут быть: знание языка, культура, статус группы в системе этнической иерархии, политическая ситуация в стране. В значительной мере городская культура также способствует размыванию или даже смене этнодифференцирующих признаков.

В Кишиневе согласно данным переписи 2004 года 15% населения составляют русские и 8,8% - украинцы. Язык, на котором они чаще всего общаются, 97,9% русских и 63,7% украинцев указали русский язык. Цель нашего эмпирического исследования - определение места этнической идентичности в матрице социальной идентичности личности, а также изучение возрастных особенностей выбора группы этнической принадлежности.

В исследовании приняли участие 300 детей трех возрастных групп: 7-8 лет (1-й класс), 9-10 лет (3-й класс) и 12-13 лет (6-й класс). Исследование охватило учащихся школ и лицеев Кишинева, в которых преподавание осуществляется на русском языке, а также школ, где украинский язык изучается как предмет. В методологическом плане исследование основывалось на разработках психолога из Великобритании М. Барретта и их модификациях (Барретт, 2001), выбор которых, помимо положительных методологических характеристик, определялся интересом и простотой выполнения для детей. Методика проективного рисунка использовалась для изучения этнических представлений и стереотипов школьников (Иванова, 1998), а также степени идентификации со своей этнической группой.

Как показали результаты, этническая идентичность во всех исследуемых подгруппах занимает срединное положение (не актуализирована) и сочетается с территориальной и гражданской идентичностями, что говорит о тесной связи этничности с местом проживания. С возрастом актуализируется религиозная идентичность, а ближе к подростковому возрасту — надэтническая («европеец»). У младших школьников последовательность идентичностей по степени важности следующая: город — этнос — гражданская идентичность, что подтверждает наблюдение украинских коллег о том, что формирование изучаемых идентичностей начинается с представления о себе как жителе определенного города (Павленко и др., 2002, 61). К 10-ти годам осознание себя как жителя Кишинева сочетается с гражданской идентичностью. Этническая идентичность начинает играть роль с 12-летнего возраста. Так, 60% опрошенных из школ с изучением украинского языка определяют себя как украинцев; при этом снижается доля «молдаван». Из этого следует, что именно в младшем подростковом возрасте дети начинают осознавать свою этническую принадлежность и отличать от нее региональную. Возрастная динамика формирования этнической идентичности прослеживается также при использовании проективного рисунка: объем и качество знаний об этнодифференцирующих признаках

увеличивается с возрастом (минимальны и диффузны у первоклассников и в общих чертах сформированы к 12-13 годам).

Большая часть детей, особенно из младших классов, выбрала для себя более одной этнической идентичности. С одной стороны, это объясняется смешанными браками, с другой, — наложением друг на друга трех основных критериев этнической идентичности: русский язык общения, молдавское гражданство и этническая принадлежность родителей. Более жесткая однозначность выбора проявляется в подростковом возрасте, во многих случаях, несмотря на смешанный состав семьи, что свидетельствует о сознательности выбора данной идентификации. В смешанных семьях, где языками общения служат русский и румынский, при множественной этнической идентичности можно говорить о биэтнической идентичности детей.

Группа респондентов из школ с преподаванием украинского языка продемонстрировала более выраженную этническую идентичность, чем русская группа, что отразилось на мотивации выбора своей группы этнической принадлежности (этническая принадлежность родителей) и этнокультурной компетентности (знания о традиционной культуре своего народа). В данной группе с возрастом снижается роль таких факторов, как язык и страна проживания, и начинает доминировать этническая принадлежность родителей или родственников, в отличие от шестиклассников из русских семей. Объяснений может быть несколько. Во-первых, в больших городах Молдовы украинский язык если и используется, то, как правило, на бытовом уровне, поэтому в качестве мотива для идентификации он может выступать опосредованно. С другой стороны, принадлежность к этнической группе по крови можно считать «примордиальным» признаком этнической идентичности, поскольку этническая общность выросла из семьи и племени. Другой немаловажный фактор — влияние информации, получаемой в школах или через различные этнические организации, нацеленной на развитие национального самосознания.

Некоторая размытость образа русского для самих русских детей, несмотря на позитивность, требует отдельного подробного

анализа. Также следует отметить, что благодаря условиям поликультурного города язык стал одним из этнодифференцирующим признаком для русского населения Республики Молдова.

Большой приток в г. Кишинев русского населения пришелся на послевоенное время. Русский язык являлся долгое время основным языком общения в столице Молдовы и продолжает играть важную роль в области коммуникации.

На постсоветском пространстве в бывших республиках СССР между «русской частью» населения и автохтонными народами сложились разные отношения, в зависимости от политики правительств этих стран и сложившихся межэтнических отношений еще в советское время. Исследователи русского населения стран Средней Азии отмечают отсутствие ассимиляции русских с местным населением, и наоборот, русификацию последнего в условиях крупных городов. Причина данного явления – возвращение Россией в начале столетия символической роли «старшего брата», которая придает статусность и русским в регионе (Абдуллаев, 2008, 9).

В Молдове ситуация сложилась несколько иначе. Поиск собственного пути развития для Молдовы, попытки объединения с Румынией, антироссийские настроения в начале 1990-х годов создавали атмосферу напряженности, которая латентно присутствует и сегодня наряду с экономической и политической нестабильностью в стране. «Советское» сознание является причиной идентификации старшего поколения русских с Россией, в то время как младшее находится в процессе адаптации к новым социально-политическим условиям, особенную роль среди которых сыграло получение Молдовой в 1991 году статуса независимой республики. Эти данные говорят о психологическом состоянии общества, которое находится в процессе трансформации.

В нашем эмпирическом исследовании в каждой возрастной группе определенный процент детей не смог определить свою этническую принадлежность. Данный факт может свидетельствовать о потенциальной этнической маргинальности

данной подгруппы. Возможно, что дети, затрудняющиеся в этническом самоопределении, вкупе с теми из них, кто мотивировал свой выбор аффилиативными тенденциями (например, «я – немка, потому что мне нравится немецкий язык»; «папа – украинец, а я хочу быть русской»), образуют некую характерную для полиэтнических обществ. Некоторые объяснения своего выбора, напротив, говорят о предопределенности по ряду причин: «мама сказала» (роль родительского авторитета), «должна считаться», «по паспорту».

Влияние города на формирование этнической идентичности четко прослеживается в материалах, собранных при применении рисуночной методики, что позволяет говорить о разделении этнической культуры на городскую и сельскую. Городская жизнь во многих аспектах нивелирует очевидные для села этнические признаки. Унификация стиля жизни в городе, отход от традиций в быту, взаимопроникновение культур, влияние телевидения на эти процессы приводят к смене набора этнодифференцирующих признаков. В случаях, когда семья сохраняет связь с традиционной культурой и культурная трансмиссия происходит более гармонично, как, например, у определенного числа школьников-украинцев, решающее значение при этнической идентификации приобретает этническая принадлежность родителей. Получаемая при этом в школе информация органично ложится на заложенный в семье фундамент, способствуя развитию позитивной этнической идентичности.

Проблема формирования этнической идентичности в школьном возрасте в поликультурной городской среде требует своего дальнейшего изучения. Особую актуальность данная проблема приобретает в период социальной трансформации общества, когда позитивная этническая идентичность разных поколений может стать основой консолидации гражданского общества Республики Молдова.

Литература:

1. *Абдуллаев Э.В.* Об идентичности русских Средней Азии // Этнографическое обозрение, 2008, №2, с. 7-10.
2. *Барретт М.* Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги западноевропейского исследования // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М, 2001, с. 17-31.
3. *Иванова Т.В.* Изучение этнических стереотипов с помощью метода проективного рисунка // Вопросы психологии, 1998, №2, с. 70-83.
4. *Павленко В.Н., Кряж И.В., Барретт М.* Этническая и национальная идентификация и представления у украинских детей и подростков // Психологический журнал, 2002, Том 23, №5, с. 60-72.

REZUMAT

Culegerea științifică are ca scop analiza empirică și teoretică a studiilor din domeniul etnologiei și etnopsihologiei la etapa contemporană. Autorii au efectuat studiile în următoarele direcții: procese de identificare etnică și sfera valorică a grupelor etnice; perceperea intergrupală în baza grupurilor etnice; aspecte teoretice ale studierii simbolurilor etnoculturale; influența migrației de muncă asupra proceselor de identificare etnică la tineret.

În studiile efectuate de Caunenco I. s-a cercetat problema tipologiei identității etnice la moldoveni; valorile rușilor și ucrainenilor. În articolul ”Problema tipologiei identității etnice la tinerii moldoveni” se efectuează analiza studiilor privind problema studierii tipologiei identității etnice de către psihologii sociali – Soldatova G.U., Muldașeva A.B., Stefanenco T.G. ș.a.

La baza tipologiei identității etnice a fost luat stereotipul etnic – auto și heterostereotipul (ambivalența, orientarea). În rezultatul studiului au fost evidențiate următoarele tipuri de identitate etnică:

Imaginea pozitivă a propriului grup etnic și a altui. În cazul nostru alt grup este grupul rușilor (identitatea etnică pozitivă sau norma) (41%);

Autostereotipul pozitiv și heterostereotipul negativ (hiperidentitatea) (11%);

Autostereotipul negativ și heterostereotipul pozitiv (hipoidentitatea) (12%)

Autostereotipul și heterostereotipul negativ (etnonihilism) (8,5).

Fiecare tip de identitate etnică a fost analizat după asemenea caracteristici ca: afilierea etnică, valorile culturale, distanța culturală. Diferențe mai mari sau înregistrat la valorile culturale „colectivism – individualism”.

În articolul ”Valorile rușilor și a ucrainenilor din RM: nivelul individual” autor Caunenco I., sunt analizate rezultatele studiului empiric a valorilor la diferite grupuri etnice – elevii claselor superioare, la studenți, la maturi (ruși și ucraineni). Ca rezultat s-a evidențiat că la grupul maturilor nu sunt diferențe la sfera valorică. La rușii elevi și ucraineni mai semnificative sunt

valorile *deschiderea către schimbări, autonomia*. Însă la elevii ucraineni se observă scăderea valorilor indicilor la toate tipurile de valori.

Pentru rușii studenți mai importante sunt valorile: *siguranța, libertatea, independența*. Pentru studenții ucraineni mai prioritare sunt valorile de *interacțiune pozitivă cu mediul* (conformism), *deschiderea către schimbări*.

Pe lângă predominarea valorii *protecție*, la fel de prioritare sunt valorile *deschiderea către schimbări, autodeterminarea*. Valorile *independența* (la toate grupurile etnice), *stimularea* (la tineri) reprezintă acea resursă socială, ce necesită dezvoltare, aplicare practică în viața culturală și socio-economică a țării. Dar pe cât acest potențial va găsi realizare în țara noastră, depinde de particularitățile dezvoltării socio-economice a instituțiilor Moldovei.

În articolul scris de Caunova N. "Imaginea etnică a romilor la etapa contemporană" se analizează rezultatele empirice ale cercetărilor percepției sociale a grupei romilor. Rezultatele studiului stereotipului etnic privind romii, arată, că heterostereotipul romilor la adolescenți este ambivalent, contradictoriu, slab pozitiv și caracteristicile negative se contopesc cu cele pozitive. Aceasta ne vorbește despre aceea, că adolescenții cunosc slab grupul romilor și în marea majoritate, sunt distanțați de ei. Elevii presupun, că romii își aduc aportul într-o măsură mai mică în dezvoltarea și soluționarea relațiilor normale, iar problemele și conflictele apar din cauza că romii nu doresc să ajungă la un compromis, și păstrează distanța în relațiile interpersonale. În reprezentările romilor la adolescenți este evidențiată într-o măsură mai mare orientarea către grup, respingerea interacțiunii și un control social slab. Rezultatele anchetării arată, că un aport mai mare în formarea reprezentărilor despre romi joacă contactele externe, mijlocite, și nu experiența personală nemijlocită de comunicare și interacțiune. Elevii claselor superioare diminuează calitățile exprimate de romi, orientate către interacțiune.

Analiza influenței migrației de muncă asupra identității etnice la găgăuzi este reflectat în articolul dnei Horozova L.F. „Influența migrației de muncă asupra identității etnice la tinerii găgăuzi”. Cercetătoarea presupune, că migrația de muncă va

influența structura și conținutul identității etnice în dependență de nivelul de identificare cu grupul său și atitudinea față de migrația de muncă. În studiu au luat parte 326 respondenți, cu vârsta cuprinsă între 18-25 ani. Grupurile etnice – găgăuzi și bulgari. Datele empirice, obținute în rezultatul anchetării au arătat că 62,27% de tineri sunt gata să fie incluși în procesul migrației de muncă; 19,63% din tineri nu doresc să plece peste hotare, și nu s-au determinat 18,1%. Cercetătoare concluzionează că tinerii din Găgăuzia au tendințe de includere în migrația de muncă. În rezultatul studiului s-a determinat că în măsura luării deciziilor de tinerii găgăuzi de a se include în procesul migrației de muncă, se micșorează numărul de respondenți ce au emoții pozitive față de grupul etnic propriu, se mărește criticismul și crește numărul de sentimente negative față de grupul etnic propriu. Dacă reieșim din faptul că, identitatea etnică, este în primul rând trăirea identității proprii cu grupul său, atunci tendințele evidențiate de distanțare emoțională de grupul propriu, poate confirma presupunerea privind influența migrației de muncă asupra proceselor de identificare etnică în mediul tinerilor.

Articolul scris de Ivanova N. "Particularitățile formării identității etnice în mediul urban multicultural" conține rezultatele studiului empiric, efectuate de elevii școlilor din Chișinău cu instruirea în limba rusă, incluzând și școlile cu studierea limbii ucrainene ca obiect. Scopul studiului a fost de a marca particularitățile formării și nivelul de dezvoltare a identității etnice în trei grupuri de vârstă la elevi în dependență de apartenența lor etnică. Rezultatele au arătat, că pentru copiii ruși un indice diferențiator de bază este limba, iar pentru ucraineni este naționalitatea părinților. Ambele grupe includ identitatea moldovenească în matricea identităților sociale, și reprezintă o bază bună pentru formarea identității civile în continuare.

Articolul "Aspecte teoretice ale studierii simbolurilor etnoculturale" este consacrat rolurilor simbolurilor în societatea multiculturală în perioada de transformare. Autorul analizează fenomenul simbolului în diferite domenii științifice (culturologie, semiotica, psihologia, antropologia). Reieșind din faptul, că simbolurile și miturile joacă un rol deosebit în ideologia națională, autorul caracterizează simbolurile etnice și de stat și

determină acele caracteristici, care le transformă în resurse mobilizatoare puternice în anumite momente din istorie. Simbolurile se referă nu atât la nivelul rațional, cât la cel inconștient, fapt ce le transformă într-un instrument ideologic și politic important. La fel, simbolurile necesită interpretare și depind de specificul situației. Simbolurile de stat trebuie să fie împărtășite de toate grupurile etnice, din care este alcătuită societatea civilă.

În general, studiile teoretice și empirice în domeniul etnopsihologiei și etnologiei, incluse în culegerea științifică, reflectă particularitățile dezvoltării etnoculturale ale societății în perioada de transformare.

ABSTRACTS

The scope of the present book is to provide analysis of some recent empirical and theoretical research work done in the field of ethnology and ethnic psychology. The authors chose the following main directions of research: the processes of ethnic identification and the sphere of values of some ethnic groups; intergroup perception on the example of ethnic groups; theoretical aspects of ethnic and cultural symbols' study; the influence of labor migration upon the process of ethnic identification of the young people.

The research of psychologist Irina Caunenco deals with the problems of typology of ethnic identity of Moldovans and the sphere of values of ethnic groups of Russians and Ukrainians of the Republic of Moldova.

In the article "Values of Russians and Ukrainians of the Republic of Moldova: individual level" the author analyses some results of an empirical research in the sphere of values of Russians and Ukrainians. For this purpose the Schwartz method was used, the individual level. The research was held during the years 2004-2008 among several age groups (teenagers, youth, grown-ups) with different social status (senior high school students, university students, working grown-ups) with the total sampling of 326 persons. The main characteristic for all ethnic groups was the priority of the values Conservation, Self-Transcendence and Openness to Change. For the group of senior high

school students (Ukrainians and Russians) the values of the highest priority are Autonomy, Freedom, Self-Direction. For the Russian young people the prior value is Security, while for the Ukrainians it is Conformity. According to Schwartz, both of these motivation blocks are part of the value group of Conservation. This feature supports the inter-generational continuity: young people independent of their ethnic group give priority to the values that point at the stability and predictability of the world, what is typical for the states of Post Soviet area.

The next article "To the problem of ethnic identity typology of the youth of Moldova in the transforming society" the author analyses the results of a research held among Moldovans to identify the typology of their ethnic identity. 200 students from Chisinau aged 18-25 took part in the research. The typology identification was based on their ethnic stereotypes. Four groups were identified:

1. positive image of both in- and out-group (in our case the group of Russians) - the norm (41%);
2. positive autostereotype and negative heterostereotype - hyper identity (11%);
3. negative autostereotype and positive heterostereotype- hypo identity (12%);
4. negative autostereotype and heterostereotype - ethnic nihilism (8,5%).

The founded types of ethnic identity are further analyzed through cultural distance, axiological universal "individualism - collectivism" and affiliation. The author utters the idea, that studying ethnic identity typology can serve as the base for forecasting the interethnic relations and the vector of the state's development in terms of nation-building.

The article of Natalia Caunova "Contemporary ethnic image of Roma group" deals with some results of socio-psychological research of Roma group ethnic image conducted among senior high school students. The research was carried out among 50 persons from Chisinau, Republic of Moldova. The stereotypical image of Roma consists of both positive and negative valuation and includes such characteristics as: "cunning", "persistent", "proud", "obtrusive",

"sociable", "active". The attitude towards Roma is characterized by high emotional uncertainty, weak positive orientation. The axiological orientations to Roma are measured as well. The teenagers consider that Roma don't tend to trust power structures; that they are oriented to their ethnic group; they are open to changes, but at the same time closed for interaction with representatives of other groups.

The article of Larisa Horozova "The Influence of labor migration on ethnic identity of Gagauz young people" provides analysis of some empirical data on the problem of mindset on migration of the Gagauz and Bulgarian young people and its influence upon their ethnic identity. 326 students aged 18-25 participated in the research. It was revealed that the level of identification with the ethnic in-group, peculiarities of content and structure of ethnic identity are connected to the mindset and attitude towards the process of labor migration. The ethno-affiliative tendencies prevail in both groups' representatives irrespectively of presence of the mindset to migrate. In general, positive attitude towards the ethnic in-group dominates, irrespectively on their attitude towards migration. But at the same time, the extent of affection to the ethnic in-group weakens in proportion to admitting the probability to migrate: attitude to the ethnic in-group becomes more critical, the positive feelings towards it decreases. All this proves that the mindset on inclusion in the process of labor migration can affect the identification process.

The article of Ivanova Nina "Special features of the ethnic identity formation in multicultural urban environment" represents some results of the empirical research hold among students of several schools in Chisinau with Russian as teaching language, including schools with teaching in Ukrainian language. Aim of the research was to define special features of formation and level of development of the ethnic identity in three age groups of students in dependence of their ethnic identity. The results showed that for the Russian children basic differentiating marker is the language, while Ukrainian children tend to base their ethnic identity on their family roots. Both groups include Moldovan identity in their identification matrix, what is a good resource of developing civil identity starting with primary school students.

The article "Theoretical aspects of studying the ethnocultural symbols" focuses on the role of symbols in multicultural society during transformational periods. The author provides analysis of the phenomenon of symbol from different aspects (cultural studies, semiotics, psychology, anthropology). Starting with the idea that symbols and myths play a special role in the national ideology, the author provides characteristics of ethnic and state symbols and defines what features empower them on social level. Symbols act not only on the rational level, but even more on irrational, and this makes them an important instrument of politics and ideology. Moreover they need to be interpreted and depend on a special situation. To be functional state symbols have to be shared by all ethnic groups that form civil society.

RÉSUMÉ

Cette collection scientifique vise l'analyse empirique et théorique des études de l'ethnologie et ethnopsychologie d'aujourd'hui. Les auteurs ont concentré leurs recherches sur les points suivants: les processus de l'identification ethnique et le champ de valeur des groupes ethniques, la perception intergroupale fondée sur les groupes ethniques, les aspects théoriques des études des symboles ethno-culturelles, l'influence de la migration pour le travail sur les processus de l'identification ethnique des jeunes.

La recherche du psychologue Irina CAUNENCO traite les problèmes de la typologie de l'identité ethnique des Moldaves et la sphère des valeurs des groupes ethniques de Russes et des Ukrainiens de la République de Moldova.

Dans l'article «Les valeurs de Russes et des Ukrainiens de la République de Moldova : le niveau individuel», l'auteur analyse les résultats d'une recherche empirique dans le domaine des valeurs de Russes et d'Ukrainiens. A ce but a été utilisée la méthode Schwartz, niveau individuel. La recherche a eu lieu pendant les années 2004-2008 entre plusieurs groupes d'âge (adolescents, jeunes, adultes) avec différent statut social (lycéens, étudiants, employés adultes) sur un échantillonnage total de 326 personnes. La caractéristique principale de tous les groupes ethniques était la priorité des valeurs de "Conservation", "Dépassement de soi-même" et "Ouverture au Changement". Pour le groupe de lycéens (des Ukrainiens et des Russes)

sont prioritaires les valeurs "Autonomie", "Liberté", "Auto-orientation". Pour les jeunes Russes la plus importante est la valeur "Sécurité", tandis que pour les Ukrainiens, c'est la "Conformité". Selon Schwartz ces deux blocs de motivation font partie du groupe des valeurs de "Conservation". Cette particularité comprends la continuité intergénérationnelle: les jeunes, indépendamment de leur groupe ethnique mettent en évidence les valeurs de la stabilité et la prévisibilité du monde, ce qui est typique pour les Etats ex-soviétiques.

L'article suivant, "Sur le problème de la typologie identité ethnique de la jeunesse de la Moldavie dans la société en transformation", l'auteur analyse les résultats de recherche faite parmi les Moldaves ayant le but de faire la typologie de leur identité ethnique. 200 étudiants de Chisinau âgées de 18 à 25 ans ont participé à cette recherche. La typologie a été basée sur le stéréotype ethnique. Quatre groupes ont été différenciés :

1. image positive à la fois de in- et out-groupe (dans notre cas, le groupe de Russes) - la norme (41%);
2. auto-stéréotype positive et hétéro-stéréotype négative - l'hyper identité (11%);
3. auto-stéréotype négatif et hétéro-stéréotype positif – hypo identité (12%);
4. auto-stéréotype et hétéro-stéréotype négatives les deux – le nihilisme ethnique (8,5%).

Les types fondés sur l'identité ethnique sont ensuite analysées via la distance culturelle, l'individualisme-collectivisme" axiologique universel et l'affiliation. L'auteur émet l'idée, que l'étude de la typologie d'identité ethnique peut servir de base pour la prévision sur les relations interethniques et le vecteur du développement de l'État en termes de construction de la nation.

L'article de Natalia CAUNOVA "L'image ethnique contemporaine des Roms" analyse certains résultats de la recherche socio-psychologique destinée à l'étude de l'image du groupe ethnique des Roms (Tziganes) aux lycéens. L'étude a été portée sur un échantillon de 50 personnes de Chisinau, République de Moldova. L'image stéréotypée des Roms se compose de évaluations comme positive aussi que négatives et comprend des caractéristiques telles que: «ruse», «persistant», «fier», «envahissante», «sociable», «active». L'attitude envers les Roms se caractérise par une grande incertitude émotionnelle et une orientation positive faible. Les orientations axiologiques aux Roms sont mesurées ainsi. Les adolescents considèrent que les Roms n'ont pas tendance à faire confiance à des

structures gouvernementales, qu'ils sont orientés à leur groupe ethnique, ils sont ouverts aux changements, mais en même temps fermés pour l'interaction avec les représentants des autres groupes.

L'article de Larisa HOROZOVA "Influence de la migration de travail sur l'identité ethnique de la population des jeunes Gagaouzes" fournit une analyse de données empiriques sur le problème de mentalité sur la migration des jeunes Gagaouzes et Bulgares et son influence sur leur identité ethnique. Dans la recherche ont participé 326 élèves de 18-25 ans. Il a été révélé que le niveau d'identification avec les minorités ethniques en groupe, les particularités de contenu et la structure de l'identité ethnique sont liés avec la mentalité et l'attitude envers la migration de travail. Ethno-affiliatifs tendances prévaloir à des représentants des deux groupes indépendants de s'il ya état d'esprit de migrer ou non. Les tendances ethno-affiliatives prévalent aux représentants des deux groupes indépendamment du fait s'il ya état d'esprit de migrer ou non. En général, prévale une attitude positive envers le in-groupe indépendamment de la migration. Mais dans le même temps la mesure de l'affection au in-groupe affaiblit en proportion à l'admission de la probabilité de migrer: l'attitude au l'in-groupe devient plus critique, les sentiments positifs pour eux diminuent. Tout cela permet de prouver que la mentalité sur l'inclusion dans le processus de migration du travail peut affecter le processus d'identification.

L'article de Nina IVANOVA "Particularités de la formation de l'identité ethnique en milieu urbain multiculturel" représente des résultats de la recherche empirique parmi les élèves de plusieurs écoles à Chisinau ayant le Russe comme langue d'enseignement, y compris les écoles avec un enseignement en langue Ukrainienne. Le but de la recherche était de définir les caractéristiques particulières de la formation et le niveau de développement de l'identité ethnique dans trois groupes d'âge des étudiants en dépendance de leur identité ethnique. Les résultats ont montré que pour les enfants Russes l'élément de différenciation de base est la langue, tandis que les enfants ukrainiens ont tendance à fonder leur identité ethnique sur leurs racines familiales. Les deux groupes incluent l'identité Moldave dans leur matrice d'identification, ce qui est une bonne ressource de développement de l'identité civile en commençant par les élèves des écoles primaires.

L'article «Les aspects théoriques d'étude des symboles ethnoculturelles» met l'accent sur le rôle des symboles dans la société multiculturelle pendant les périodes de transformation. L'auteur fournit une analyse du phénomène de symbole via différents aspects (études culturelles,

la sémiotique, psychologie, anthropologie). En partant de l'idée que les symboles et les mythes jouent un rôle particulier dans l'idéologie nationale, l'auteur décrit les caractéristiques des symboles ethniques et d'Etat et définit quels sont les éléments les habilitant sur le plan social. Les symboles agissent non seulement sur le plan rationnel, mais davantage sur l'irrationnel, ce qui les rend un instrument important de la politique et idéologie. En outre, ils doivent être interprétés et dépendent de situation. Pour être fonctionnelles les symboles de l'Etat doivent être partagés par tous les groupes ethniques qui forment la société civile.

Кауненко Ирина Ивановна, доктор психологии, конференциар, старший научный сотрудник Центра Этнологии Института Культурного Наследия Академии Наук Республики Молдова.

Сфера научных интересов: межэтнические отношения, проблемы этнической идентичности, межкультурное восприятие и взаимодействие, трудовая миграция, детско-родительские отношения в трансформирующемся обществе.

caunenco@mail.ru

Каунова Наталья Григорьевна, доктор психологии, старший научный сотрудник Центра Этнологии Института Культурного Наследия Академии Наук Республики Молдова.. Сфера научных интересов: этническая и социальная психология, межгрупповое восприятие, проблема предрассудков и преубеждений.

ncaunova@gmail.com

Хорозова Лариса Федоровна, старший преподаватель кафедры педагогики факультета Национальной Культуры Комратского Государственного Университета.

Сфера научных интересов: проблемы этнической идентичности, трудовая миграция, детско-родительские отношения в трансформирующемся обществе.

larisahorozova@yandex.ru

Иванова Нина Валерьевна, научный сотрудник Центра Этнологии Института Культурного Наследия Академии Наук Республики Молдова.

Сфера научных интересов: этнология, культурная антропология, этническая и социальная психология.

ivanova_nina@mail.ru

